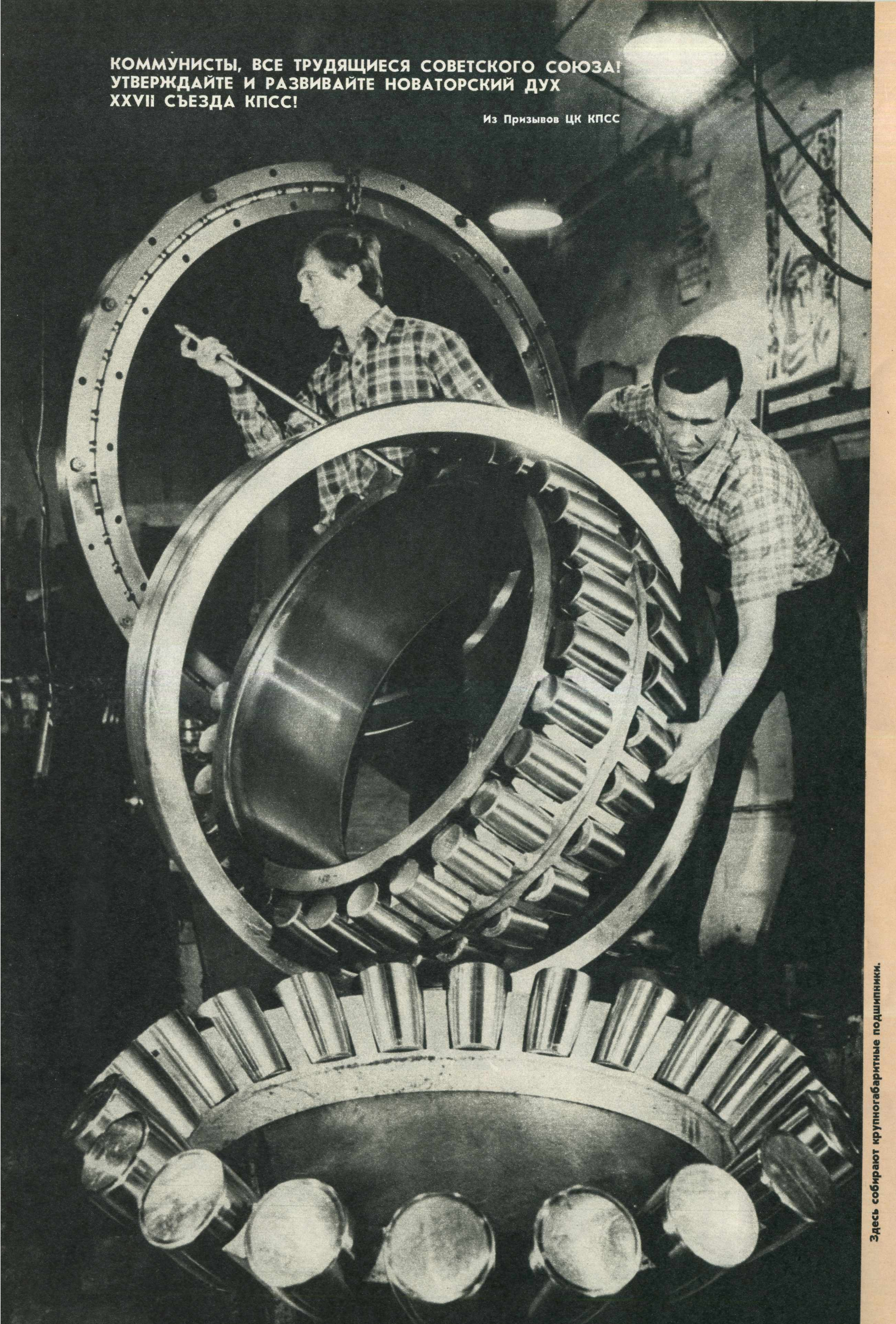

22 АПРЕЛЯ—116-я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

КОММУНИСТЫ, ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! УТВЕРЖДАЙТЕ И РАЗВИВАЙТЕ НОВАТОРСКИЙ ДУХ XXVII СЪЕЗДА КПСС!

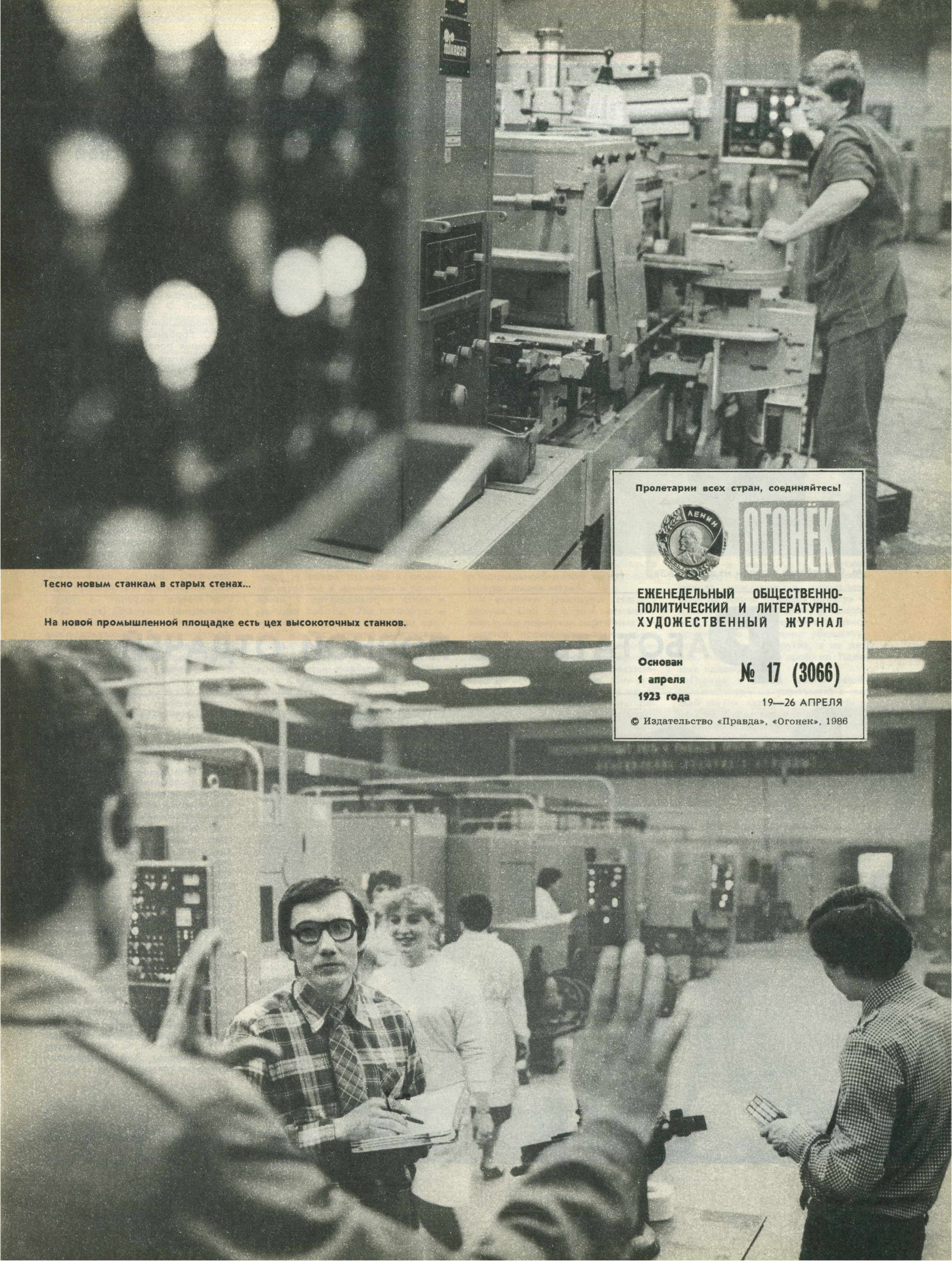
Из Призывов ЦК КПСС

ЗАВОДУ НАДО МОЛОДЕТЬ

Здесь собирают крупногабаритные подшипники.

См. стр. 4.

Тесно новым станкам в старых стенах...

На новой промышленной площадке есть цех высокоточных станков.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 17 (3066)

19—26 АПРЕЛЯ

ПРЕБЫВАНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

М. С. Горбачев в одном из цехов ВАЗа.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев с 7 по 9 апреля совершил поездку в крупные индустриальные центры страны — города Куйбышев и Тольятти.

Второй день пребывания М. С. Горбачева в Куйбышевской области начался с посещения Волжского автомобильного завода в Тольятти. В цехах автогиганта он беседовал с рабочими и инженерами, конструкторами, испытателями. Речь шла о работе крупнейшего автопредприятия страны в новых экономических условиях. По просьбе автомобилестроителей М. С. Горбачев рассказал, как проходит работа по реализации решений XXVII съезда партии, подробно остановился на проблемах борьбы за мир, путях развития социалистической демократии.

РАБОТАТЬ С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ

Вечером состоялась его встреча с представителями трудящихся города Тольятти.

Товарищ М. С. Горбачев обратился к собравшимся с речью, которая была выслушана с большим вниманием и сопровождалась продолжительными аплодисментами.

До предела была насыщена программа пребывания Генерального секретаря ЦК КПСС на куйбышевской земле. Состоялись десятки встреч и бесед с рабочими, инженерами, конструкторами, партийными работниками, активом. М. С. Горбачев посетил Куйбышевский завод координатно-расточных станков станкостроительного производственного объединения и швейное производственное объединение «Красная Звезда».

9 апреля М. С. Горбачев отбыл из Куйбышева в Москву.

На аэродроме в Москве М. С. Горбачева встречали члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, В. И. Воротников, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, другие товарищи.

Во время посещения куйбышевской фабрики «Красная Звезда».

Телефото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С И. КАРЛССОНОМ

15 апреля состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Премьер-Министром Швеции, Председателем Социал-демократической рабочей партии Швеции И. Карлссоном, находившимся в Москве с официальнымвизитом.

Давая развернутую характеристику социально-экономического положения в мире и международной обстановки, М. С. Горбачев решительно осудил беззаконие и произвол американской администрации в отношении Ливии.

Состоялся обмен мнениями по принципиальным вопросам двусторонних отношений.

В беседе были затронуты некоторые региональные проблемы, а также гуманитарные вопросы.

Во время встречи.

Фото ТАСС

В каждом из нас крепнет ощущение того, что за последний год все мы становимся как бы опытнее, зорче, по-граждански мудрее. Откровенный, прямой, доверительный разговор с трибуны апрельского (1985 года) Пленума Центрального Комитета нашей партии побудил подавляющее большинство советских людей пристальнее, глубже и честнее посмотреть вокруг. Мы стали строже относиться к громким словам, подменяющим дело, научились и продолжаем учиться отличать опостылевшую демагогию крикунов-краснобаев от подлинной заинтересованности в деле скромных тружеников.

Гордясь огромными достижениями своей Советской Родины, выведшими ее на ведущие позиции в мире, мы умом и сердцем поняли озабоченность партии потерей динамизма в развитии нашей экономики, медленным освоением высот научно-технического прогресса, а также негативными явлениями в социальной сфере. Придав широкой гласности наболевшие проблемы, осудив опасность настроений благодушия, самоуспокоенности, нетребовательности, партия проявила веру в свою силу, в силу и сплоченность советских людей, в их способность активно поддержать ее стратегию на пути крутого перелома.

Емкое, зовущее слово **перестройка** стало не просто лозунгом дня, оно вобрало в себя суть и программу действий партии и народа на двенадцатую, в определенном плане решающую пятилетку и на ближайшие пятнадцать лет.

Невиданная по размаху перестройка эта, которая по стратегии партии позволит максимально использовать и развить могучий потенциал социалистического строя, общественной активности народа — необычайно сложный процесс. И самое главное в нем — перестройка в мышлении и психологии, в организации, в стиле и методах работы. Она потребует и времени, и сил, и готовности каждого из нас активно участвовать в ней.

Вновь и вновь с предельной откровенностью подчеркнул это Михаил Сергеевич Горбачев на недавней встрече с трудящимися города Тольятти: «...Если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь в духе решений съезда. Но в таком случае мы не справимся и с поставленными задачами, масштабы и новизна которых беспрецедентны».

А масштабы действительно грандиозны! Вспомним хотя бы несколько цифр из планов на ближайшее пятнадцатилетие. В стране предстоит сделать столько, сколько сделано почти за 70 лет Советской власти — удвоить производственный потенциал, повысить в 2,3—2,5 раза производительность труда, направить на благосостояние народа вдвое больше ресурсов, чем направляется сейчас.

Мудрый и мужественный урок правды, на который решилась партия на апрельском Пленуме и историческом XXVII съезде, начинает приносить заметную уже за столь короткое время отдачу. Истекший год показал, что в трудовых коллективах стали более ответственно принимать планы и обязательства, продуманнее вести реконструкцию предприятий, активнее внедрять новую технику, укреплять связи со смежниками и договорную дисциплину, настойчивее бороться за качество продукции, больше стали заботиться о социально-бытовой и духовной сферах жизни людей.

И все-таки рецидивы старого живучи. Они и в том, отмечали участники пленумов партийных комитетов, прошедших после съезда партии, что целый ряд коллективов старается взять заниженные планы по производству и повышению качества продукции. Они и в том, что иные министерства намечают слишком низкие темпы реконструкции, роста производительности труда — ниже задания на пятилетку. Они и в том, что на этих же пленумах некоторые ораторы в стиле и духе вчерашнего дня при сравнении показателей работы за первый квартал в нынешнем и минувшем году козыряли высокими процентами роста, лукаво опуская тот непреложный факт, что «вчерашний процент» был явно занижен.

Иные и сейчас с пафосом говорят о научно-техническом прогрессе, об интенсификации, ускорении, а сами по-прежнему исповедуют авралы и штурмовщину, которые, будем откровенны, очень далеки от подлинного ускорения, противопоказаны ему. Как тут не вспомнить актуальный ленинский совет: «... оторваться от сутолоки и суматохи...» — в этом и есть истинная деловитость.

Руководители такого типа должны понять, и чем скорее, тем лучше и для них, и для общества, что старыми методами и подходами новые задачи не решишь. Есть еще приспособленцы, делающие вид, что «перестроились», но, по существу, как метко и едко говорится об этом маневре, пристроились к перестройке. У таких людей, а они могут быть и в цехах, и в вузе, и в колхозе, и в НИИ, и в партийных и советских органах, очень развиты своеобразная мимикрия и камуфляж. Они не прочь «выдать речугу» о единстве слова и дела, о широкой гласности, о критике и самокритике, но внутренне убеждены, что все это для других, а не для них, мол, все «это» пройдет. Тщетные надежды!

Партия и народ взяли решительный курс на упрочение в нашей жизни здоровых начал. Ни в чем не будет потворства безынициативным любителям «спокойной жизни», лентяям и прогульщикам, алкоголикам и бракоделам, бюрократам и зажимщикам критики, рыцарям фальшивых рекордов и парадной шумихи — всем тем, кто мешает нам идти трудной и светлой дорогой. Наш гуманизм отныне для социально-активных, самоотверженных тружеников, делающих свое дело честно, добросовестно, с полной отдачей сил, опыта, знаний.

...Мы только в начале большого пути — исторической перестройки, намеченной XXVII съездом партии, которая — мы свято верим в это — поднимет нашу Родину еще выше. Пусть сердце и ум каждого из нас определят и подскажут: кто же ты в этой перестройке — созерцатель, выжидающий в сторонке (обойдутся, мол, и без меня), или борец, который стал строже относиться прежде всего к самому себе, начал с себя, активно включился в великое дело нового созидания?

Время требует — от каждого из нас! — действия. Надо действовать!

ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ!

Алексей ПАНЧЕНКО

ЗАВОДУ НАДО МОЛОДЕТЬ

См. II стр. обл.

Первый Государственный подшипниковый завод — одно из крупнейших в столице предприятий — выполнил производственный план первых месяцев года почти по всем показателям. Может быть, не стоило подчеркивать это в общем-то нормальное положение дел, если бы не одно обстоятельство: вплоть до нынешнего года, в течение всей предыдущей пятилетки, на 1-ГПЗ то и дело происходили срывы программы.

И вот резкий скачок вперед...

Б. СМИРНОВ, фото С. ПЕТРУХИНА

Пятьдесят четыре года: много это или мало для завода? Мы называем ветеранами промышленные объекты со столетней историей, но в наши дни чисто механический подсчет годов не может быть критерием возраста предприятия. Глядишь, один завод в свои сто лет полностью обновился, ни единого кирпича не сохранилось в нем с прежних времен, а другой уже в свои двадцать—тридцать лет выглядит устаревшим. Тем более сейчас, когда научно-техническая революция с ошеломляющей быстротой заставляет менять привычные устои, требует принципиально новых форм работы, гибкого планирования. Бывает и так: корпус еще и не построен, а цех уже устарел...

Однако мы упомянули цифру «пятьдесят четыре», имея в виду возраст конкретного предприятия: Первого Государственного подшипникового завода. Даже нет необходимости называть его московским, так как все аналогичные производства в Союзе имеют свои порядковые номера: в Куйбышеве — 4-ГПЗ, в Свердловске— 6-ГПЗ, в Волжском — 15-ГПЗ... Это сейчас подобным перечислением не удивишь, а было время, когда мы покупали подшипники только за границей, и хозяева западных монополий считали: русские никогда не смогут освоить эту высокоточную, капризную и труднодостижимую вершину металлообработки. Трудности и впрямь оказались гигантскими, но завод был построен — в Москве, в Рогожско-Симоновском районе. Тогда шел 1932 год. Каждый день Господшипникстроя, каждая дата пуска нового цеха интересовали страну: еще бы, без наших отечественных подшипников не могло быть и речи о будущих тракторных и автомобильных заводах, о новых советских станках, комбайнах, турбинах. Впрочем, в те годы становления советской индустрии вообще не существовало мелочей, невозможно было выделить «самое-самое» из главных направлений, и все же 1-ГПЗ, сразу ставший крупнейшим среди подобных в мире, можно считать очень заметной вехой в судьбе всей страны.

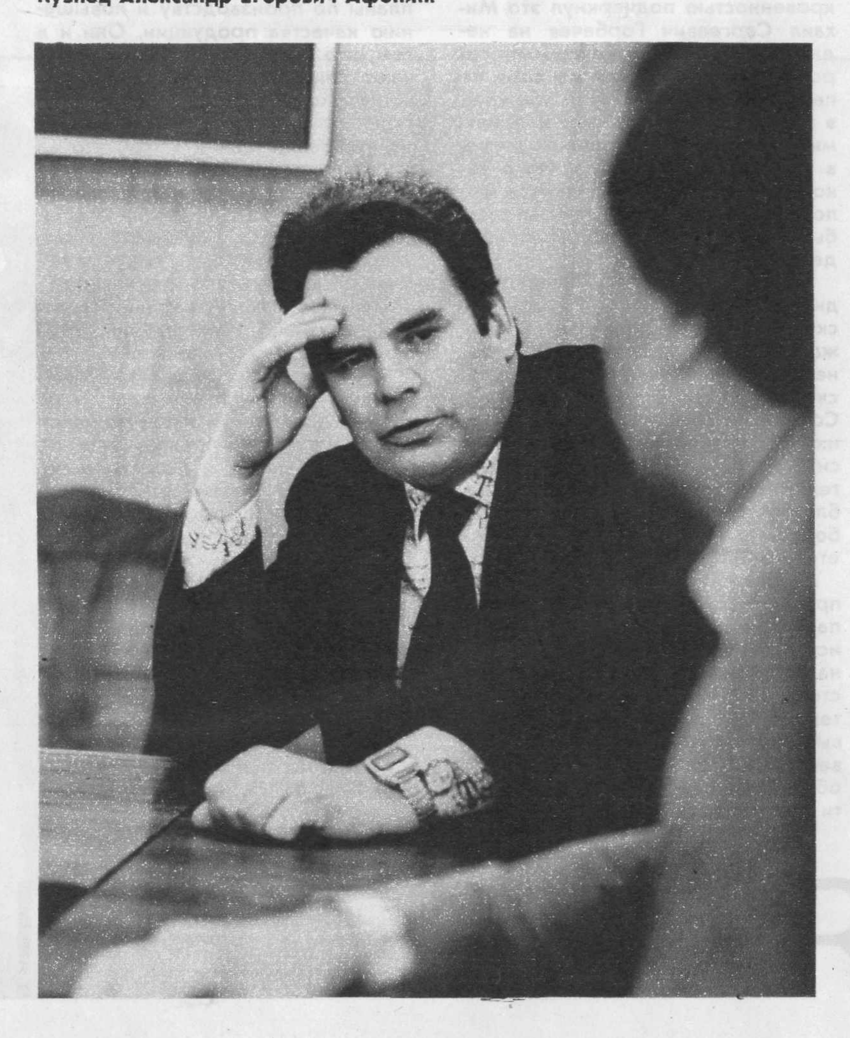
И вот это предприятие вынуждено сейчас преодолевать собственное старение...

Заметить это не так легко — может, мешает привычное сознание, что 1-ГПЗ всегда был в Москве в числе передовых, укрепился в общем мнении как одно из лучших московских предприятий. Все так же об успехах, о передовиках, о насыщенной жизни заводского коллектива рассказывают многочисленные стенды, развешанные вдоль длинного центрального коридора; от этого коридора, как от ствола могучего дерева, по обе стороны расходятся «ветви» — проходы к заводским цехам. Поворот направо, лестница вниз — и я в кузнечном цехе, одном из самых старых цехов ГПЗ. Кузнецы здесь всегда почитались, и не случайно, наверное, именно из этого цеха был избран единственный делегат, представлявший завод на XXVII съезде КПСС,— Александр Егорович Афонин, кузнец, лауреат Государственной премии СССР, орденоносец. Цех огромный, из нескольких пролетов, и я сразу же отказался от мысли найти человека по фотографии — разве разглядишь его здесь, среди черных, прокопченных громад станков, пышущих печей, в грохоте машин и вое вентиляторов, в узких проходах между горами металла, заготовок, готовых поковок? Хорошо, что Афонина здесь знают все: сразу показали, как найти его в дальнем конце цеха.

...Нет, его надо было фотографировать вот так — не в выходном костюме, а здесь, в темной от гари рабочей спецовке, в ровном красноватом свете, бьющем из печи,— таким, каким я увидел Александра Егоровича. Столько собранности, энергии, деловой озабоченности было в его лице, что можно было, приглядевшись, прочесть в нем все то, что мы хотим знать о сегодняшнем рабочем как о человеке думающем, досконально знающем свое дело, ответственном за все, что происходит вокруг. Возможно, именно таким я хотел увидеть Афонина, но ведь я знал, что он делегат съезда, и это само по себе говорило о многом.

Фотографией такого не передашь... Как Афонин, отложив тяжелую кувалду, всем телом повисает на длинной трубе, цепляя ею, как футляром, «пруток» из печи, иначе говоря, раскаленный добела длинный стальной стержень толщиной в руку. И этот «пруток» кузнец придерживает, направляет, подталкивает, пока ковочная машина, сотрясаясь от мощных ударов внутри ее, формует, рассекает толстый стержень, превращая его в кольца причудливой формы. Я не раз видел и современные штамповочные поточные линии, и целые ковочные цеха-автоматы, и все же такая картина завораживает больше — то, как человек почти вручную, подчиняя своей воле энергию своих мышц, властвует над металлом. Конечно, это только звучит красиво, а ведь труд-то ручной, и оборудование давно устаревшее, и хвастаться здесь нечем. Понятно, почему фотографируют сейчас кузнецов в основном не на рабочем месте...

Кузнец Александр Егорович Афонин.

— Этой горизонтально-ковочной машине столько же лет, сколько и заводу,— говорил мне потом Афонин.— Я пришел в кузнечный цех двадцать лет назад, и уже тогда эта машина считалась ветераном. Нельзя сказать, что на заводе не проводилась модернизация оборудования: она идет постоянно, но завод большой, и до нас очередь пока не дошла. Всем ясно, что темпы модернизации надо ускорять, из-за этого в прошлой пятилетке наш завод не справился с планом.

— А у вас многие работают вот так же, как и вы, лет по двадцать?

— К сожалению, мало кто: работа у нас, что и говорить, тяжелая, механизация слабая, и многие выдерживают лишь «горячий стаж» — положенные десять лет. А молодежь к нам в цех не очень-то рвется, теперь смотрят не столько на заработок, сколько на условия труда. Об этом как раз на съезде говорил в докладе Михаил Сергеевич Горбачев: о том, что надо сделать работу творческой, заинтересовать людей, создать им условия, тогда и можно ждать более высоких результатов. Вот у нас поставили автоматическую линию во втором отделении кузнечного цеха: не только возросла производительность, но и люди оттуда почти не увольняются. Так все и говорят: работать стало интереснее, легче, зачем же уходить с этого места... К сожалению, у нас на заводе как-то недопонимали значения вот такого взгляда на новую технику, задержали сроки модернизации. Знаете, как считалось: раз уходит молодежь, не хочет работать в кузнечном цехе, значит, слабаки. А остаются, мол, настоящие мужчины! Такой подход— типа «давай, давай» — теперь устарел, надо видеть не людей для техники, а технику для людей. Да возьми у нас любого: создай ему условия, подойди по-человечески, помоги, если ему в чем-то трудно,— и он сделает вдвое больше, чем сейчас. Дело не только в новой технике, в новой квартире или в новом подходе — все это одновременно должно приходить к рабочему человеку, все важно... Да что это — я так перескажу то, что говорилось на съезде! Сейчас я, как делегат, очень много выступаю в разных коллективах и ясно вижу, что все думают именно так.

— А чтобы слово не расходилось с делом...

— Для этого мы должны делом подтверждать свои слова. Вот и у нас на заводе: после апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, после изменений в заводском руководстве дела явно поправляются. Но об итогах говорить рано — главное из того, что нужно сейчас заводу, еще не сделано. Это — строительство новой промышленной площадки, которое затянулось на полтора десятка лет. Тогда и старые цеха легче будет реконструировать — сейчас так тесно, что ставь новое оборудование хоть в два этажа. Заводу срочно надо молодеть. А я могу сказать от имени наших рабочих: мы ждем этого, мы к этому готовы.

НАГЛАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Юрий ПОПОВ

Итак, еще одно новое преступление американского империализма. Самолеты американских ВВС нанесли бомбовые удары по ливийским городам. Этот варварский акт был совершен по личному приказу президента США. Снова пролилась кровь, снова десятки убитых и раненых, снова руины домов. Бомбы с клеймом «Сделано в США» были сброшены на территорию суверенной страны с беспрецедентной наглостью, под фальшивым предлогом «борьбы с терроризмом», очагом которого, по утверждению Рейгана, является якобы Ливия.

Эти строки пишутся за несколько дней до выхода журнала, так что к тому времени, когда он попадет к читателям, будут известны новые факты, последуют новые разоблачения истинных целей этой новой бессмысленной авантюры нынешней администрации США. Однако уже сейчас можно дать точную и исчерпывающую оценку: агрессия против Ливии — это откровенное попрание норм международного права, преступление против человечества, еще одно доказательство того, что США вступили на опасную военную тропу в своих попытках задержать ход исторического развития на нашей планете. Империалистические силы, возглавляемые Соединенными Штатами, перешли к вооруженной борьбе против стран и народов, отстаивающих свою свободу и независимость. Именно поэтому, болтая о своей приверженности делу мира, они на деле подрывают устои международного мира и всеобщей безопасности.

Ливия, как известно, твердо и неуклонно ведет курс на самостоятельное, независимое развитие. Она не склоняет головы перед требованиями американских монополий, не подчиняется американскому диктату. Вот за это и ощетинилась против нее американская военщина. Гнездо терроризма не в Ливии, а там, за океаном, в Белом доме, в Пентагоне, где разрабатываются террористические планы борьбы против Ливии, против Никарагуа, против Афганистана, против всех стран, где народ взял власть в свои руки и устанавливает свои порядки, неугодные американскому и международному империализму. И весь смысл этой новой кровавой американской агрессии сводится к откровенным попыткам запугать ливийский народ, продемонстрировать другим странам, что администрация Рейгана не остановится перед применением военной силы ради осуществления своих гегемонистских политических замыслов, лежащих в основе современного неоглобализма.

Наглое нападение на Ливию вызвало самые решительные протесты во всем мире. В самих США уже состоялись и будут, конечно, в дальнейшем проходить многочисленные демонстрации протеста против политики агрессии, шантажа и угроз, исходящих из Вашингтона. Даже среди союзников США по военным блокам начали возникать опасения, что Вашингтон может завести их в такую трясину военных авантюр, откуда выхода уже не будет. Не случайно европейские участники НАТО в своем большинстве фактически выступили против военных акций в отношении Ливии, как об этом писала французская «Монд». Мировая печать сообщает о широком международном возмущении «силовой политикой» Белого дома. Пресса различных направлений указывает, что вооруженная агрессия против Ливии представляет собой угрозу делу всеобщего мира и безопасности.

Президент Рейган заявил, по свидетельству «Нью-Йорк таймс», что вооруженные силы США «успешно справились со своей задачей». Думается, что президент здесь явно не в ладах с истиной. Нет, не удастся таким образом запугать ливийский народ, не удастся запугать другие страны, идущие по пути независимости, по пути избавления от цепей империалистической политики. Симпатии и поддержка всех миролюбивых стран и народов на стороне Ливии, Никарагуа, Афганистана, и они не преклонят колени перед попытками отбросить их в темное прошлое. Что же касается расчетов нынешней американской администрации, то о них можно сказать словами древней восточной поговорки: в кувшине их мудрости уже, по-видимому, не осталось ни капли влаги.

Американский авианосец у берегов Ливии; ракеты на борту корабля.
Телефото Рейтер — ТАСС

25 ЛЕТ НАЗАД, 19 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА, НА ПЛАЯ-ХИРОН КУБИНСКИЙ НАРОД ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ НАД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ

ОНИ НЕ ПРОШЛИ

Сергей СЕРЕДА

При въезде в поселок Соплийар, расположенный на южном побережье кубинской провинции Матансас, стоит покореженный танк «Шерман» американского производства. Рядом с ним большой плакат с надписью: «Дальше они не прошли». «Они» — это кубинские контрреволюционеры, входившие в состав печально известной «бригады 2506», которая на рассвете 17 апреля 1961 года совершила бандитскую высадку на Плая-Хирон.

Почти полторы тысячи наемников, завербованных Центральным разведывательным управлением США, были доставлены к берегам преданной ими родины в сопровождении семи американских эсминцев и авианосца «Эссекс» в полной уверенности в том, что вооруженная интервенция против острова Свободы станет для них чем-то вроде увеселительной прогулки. Под покровом предрассветной мглы десантные плоты вошли в узкую горловину залива Свиней. В тот момент, когда наемники неторопливо готовились к высадке, на берегу, за мешками с песком, их уже ждали бойцы революционной народной милиции. И хотя их было совсем немного, первые же выстрелы патриотов развеяли надежды наемников на легкую победу...

...Операция ЦРУ по свержению молодого революционного правительства Кубы под руководством Фиделя Кастро началась более чем за год до высадки десанта в заливе Свиней. После того, как ее официально утвердил президент Эйзенхауэр, тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес (он же возглавлял до этого свержение демократического правительства в Гватемале) отдал приказ о создании специальных тренировочных лагерей для наемников, завербованных среди кубинских эмигрантов.

Одной из самых коварных акций ЦРУ стала проведенная за два дня до высадки на Плая-Хирон бомбардировка аэродромов революционных военно-воздушных сил Кубы. 15 апреля с одного из никарагуанских аэродромов, любезно предоставленных диктатором Сомосой своим американским хозяевам, взлетели семь бомбардировщиков «Б-26» с опознавательными знаками кубинских ВВС. Шесть боевых машин подвергли бомбардировке военные аэродромы в Гаване, Сантьяго-де-Куба и Сан-Антонио-де-Лос-Баньос, а один самолет, предварительно обстрелянный из пулемета, приземлился в аэропорту Майами. Прилетевший на нем пилот заученными фразами объявил представителям американской прессы, что в рядах кубинских ВВС произошел мятеж и в эти минуты восставшими летчиками ведется бомбардировка военных аэродромов «режима Кастро».

Фотография, ставшая символом битвы на Плая-Хирон: Фидель Кастро, спускающийся с танка в дни отражения бандитской вылазки ЦРУ в заливе Свиней.

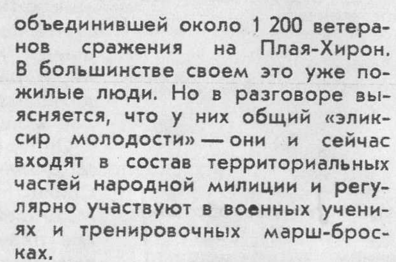
Фидель Кастро беседует с бойцами народной милиции на Плая-Хирон.

Один из американских самолетов, сбитых зенитчиками.

Шитая белыми нитками провокация ЦРУ потерпела двойной провал: организаторы и участники бомбардировок были разоблачены в считанные часы, а урон, нанесенный ВВС Кубы, оказался минимальным благодаря своевременным донесениям кубинских разведчиков и заблаговременно принятым мерам. Выступая на следующий день в Гаване на похоронах жертв бомбардировок, Фидель Кастро не оставил камня на камне от этой фальшивки. Говоря о враждебной политике Вашингтона по отношению к Кубе, он заявил: империалисты не могут простить нам социалистическую революцию, которую мы совершили под самым носом Соединенных Штатов, и то, что эту социалистическую революцию мы защитим с оружием в руках! Понимая, что час интервенции близок, Ф. Кастро отдал приказ о введении постоянной боевой готовности на всей территории острова Свободы.

...На одной из узких улочек гаванского пригорода Гуанабакоа стоит красивый одноэтажный дом колониальной постройки. На металлической табличке при входе выбиты слова: «Ассоциация участников боев на Плая-Хирон». В просторной прихожей меня встречает высокий, стройный мулат. «Фелисиано Летаменди, председатель Ассоциации»,— с широкой улыбкой представляется он и знакомит меня с остальными шестью членами руководства этой организации, объединившей около 1 200 ветеранов сражения на Плая-Хирон. В большинстве своем это уже пожилые люди. Но в разговоре выясняется, что у них общий «эликсир молодости» — они и сейчас входят в состав территориальных частей народной милиции и регулярно участвуют в военных учениях и тренировочных марш-бросках.

ФЕЛИСИАНО ЛЕТАМЕНДИ: «Утром 17 апреля батальоны погрузили на автобусы и грузовики, сопровождали нас несколько танков. Помню, когда мы подъехали к поселку сахарного завода «Аустралия», навстречу вышли все, от мала до велика. Люди уже знали о зверствах, которые чинили наемники над населением окрестных поселений, и при виде хорошо вооруженных батальонов милисианос в них вселялась уверенность, что враг не пройдет и возврата к прежним порядкам на Кубе не бывать. Женщины предлагали еду, поили нас холодной водой и кофе».

Автобусы 123-го батальона вышли на шоссе, которое вилось вдоль морского берега по направлению к Плая-Хирон. Там были сконцентрированы основные силы контрреволюционеров. В небе послышался приближающийся гул моторов.

ИЛИОБЕРТО САНЕТТИ: «Когда мы увидели три самолета с кубинскими опознавательными знаками, то, конечно, просто не подозревали, что знакомые синие полосы на хвостовом оперении — это уловка врага. Проносясь над колонной на бреющем полете, самолеты сбрасывали бомбы с напалмом. Загорелось несколько автобусов, в которых тут же начали рваться боеприпасы. Мы потеряли многих бойцов...»

РЕЙНАЛЬДО ПАДРОН: «Бомбардировка 115-го батальона повторилась через 40 минут после первой, но к тому моменту нашу колонну догнали зенитные орудия. Зенитчиками были 15—16 летние ребята, учившиеся на ускоренных артиллерийских курсах. Многие из них, несмотря на молодость, имели опыт партизанской войны в горах Сьерра-Маэстра, и отваги им было не занимать. Действовали быстро, слаженно и по-мальчишески задорно. Не прошло и минуты, как раздались их звонкие крики: «Сбили! Сбили!» Героем дня оказался паренек из нашего Гуанабакоа — Эрнесто Карреро».

К вечеру 18 апреля резервные батальоны милисианос подошли к рубежу, который удерживали бойцы революционной армии, отражавшие постоянные атаки наемников. Рано утром следующего дня началось последнее, решающее наступление.

ХОСЕ АНТОНИО АЛЬВАРЕС: «Когда все закончилось, я спросил у одного из наемников: «Почему вы сдались, имея столько оружия и боеприпасов?» И он не задумываясь ответил: «Все ваши командиры воевали вместе с вами, а наши разбежались, как последние крысы...» Что правда, то правда: не дождавшись военной помощи янки, большинство бывших батистовских офицеров бросили свои подразделения на произвол судьбы, дрались за места на катерах, отвозивших их к американским эсминцам».

ФЕЛИСИАНО ЛЕТАМЕНДИ: «Каждый из нас постоянно чувствовал присутствие Фиделя в самой гуще боев, и это вселяло в нас уверенность. Какой боевой дух мог быть у «гусанос»? Мы боролись за убеждения, а они — за деньги».

Конец «бригады 2506» наступил менее чем за трое суток. Храбрость и самоотверженность защитников родины, сражавшихся с первого дня боев под личным руководством Фиделя Кастро, сделали возможным то, о чем на протяжении десятилетий оставалось только мечтать,— первое военное поражение американского империализма в Латинской Америке. Более тысячи интервентов попали в плен, захвачено большое количество оружия американского производства, в том числе танков и орудий, кубинские летчики сбили 9 вражеских самолетов и потопили несколько судов.

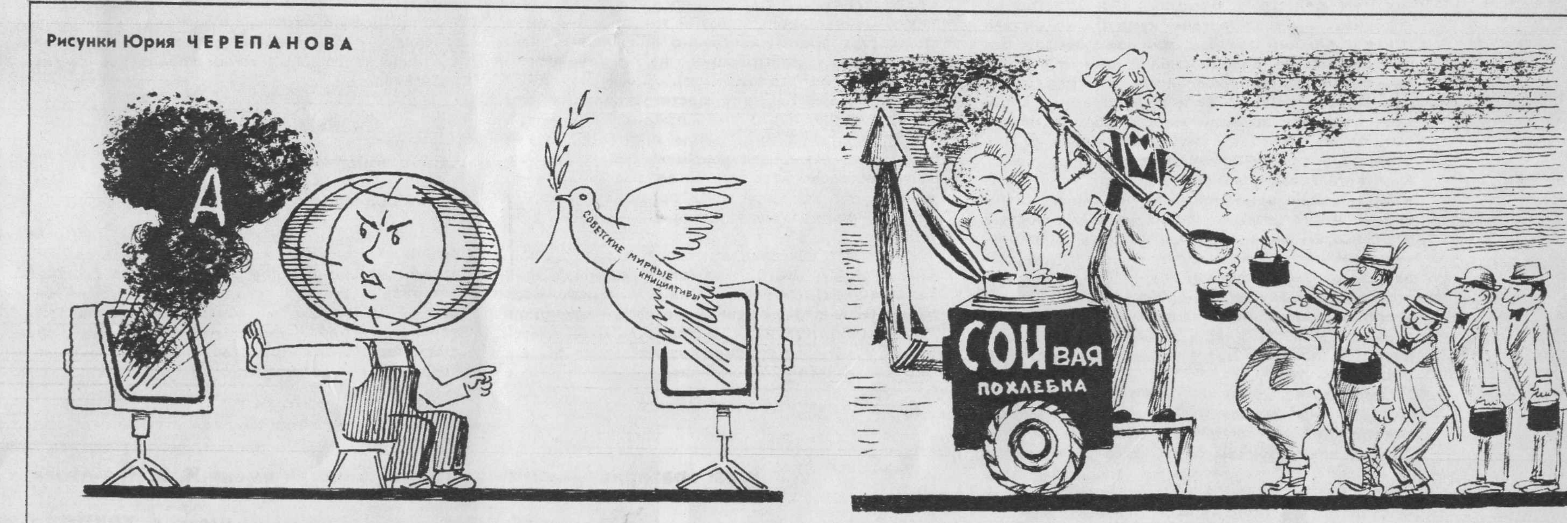
Решающую роль в победе сыграла международная солидарность с островом Свободы. Десятки государств всего мира, в первую очередь социалистические страны, гневно осудили бандитскую вылазку на Плая-Хирон. 18 апреля 1961 года Советское правительство направило американскому президенту послание, в котором отмечалось: «Что касается Советского Союза, то не должно быть заблуждения насчет нашей позиции: мы окажем кубинскому народу и его правительству всю необходимую помощь в отражении вооруженного нападения на Кубу».

В нужный момент рядом оказалась рука друзей-интернационалистов...

ТАСС — специально для «Огонька».

Гавана.

Рисунки Юрия ЧЕРЕПАНОВА

ЭНЕРГЕТИКА ЗЕМНАЯ И СОЛНЕЧНАЯ

В День советской науки мы пригласили на страницы «Огонька» журнал «Наука в СССР».

— Нашему журналу в этом году исполнилось пять лет,— рассказывает главный редактор академик Г. К. СКРЯБИН.— Кроме русского, он выходит на английском, испанском и немецком языках.

Рассчитанный на самые широкие круги читателей как в нашей стране, так и за рубежом, журнал призван знакомить с главными результатами научных исследований в Советском Союзе.

Может быть, не очень скромно сравнивать наше издание с «компасом» в океане информации. Но посудите сами: читая статью ведущего специалиста с анализом последних результатов, вы можете понять, на каком научном уровне находится разработка конкретной проблемы. А именно это и нужно учителю, врачу, студенту, чтобы быть в курсе последних научных достижений, и, наконец, школьнику, когда он выбирает себе дорогу в будущее.

Высокий научный авторитет редколлегии журнала, куда входят президент АН СССР академик Анатолий Петрович Александров, президент АМН СССР академик Николай Николаевич Блохин и многие другие выдающиеся ученые страны, гарантирует достоверность и надежность информации.

...Сегодня мы попросили авторов «Науки в СССР», ведущих советских ученых рассказать об одной из важных научных проблем, связанных с поисками новых источников энергии.

КАК ПОДОГРЕТЬ ПЛАЗМУ

Академик Б. Б. КАДОМЦЕВ, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР

Всем казалось, что это просто. По крайней мере наверняка проще, чем обуздать энергию ядерного распада (проблема, с которой ученые справились за считанные годы). Такие мысли владели физиками на заре термоядерных исследований, тридцать с лишним лет назад. Ученые даже представить себе не могли, с какой грандиозной задачей столкнулись, не знали, насколько капризно четвертое состояние вещества — плазма,— с которым теперь пришлось иметь дело.

Минули десятилетия, а управляемая термоядерная реакция пока не осуществлена. Еще долгие годы отделяют нас от первой промышленной термоядерной электростанции. Однако три десятилетия не прошли даром. Мы знаем теперь (в общих чертах), что такое горячая плазма, знаем, как ее укрощать.

Способов много, но самый быстрый, самый надежный — с помощью установки, впервые разработанной в СССР,— токамака.

Гигантские токи, текущие в плазме, закутанной в магнитное поле токамака, разогревают ее до температур в миллионы градусов. В центре Солнца именно при таких температурах идут реакции синтеза, дающие нам свет и тепло. Тем не менее достигнутые нами величины еще слишком низки для того, чтобы возникли условия, необходимые для протекания термоядерной реакции в лабораторных условиях: мы располагаем куда более скромными объемами плазмы, чем наша звезда. Вот почему ученые разрабатывают самые различные способы дополнительного подогрева плазмы. Проблема эта, как и термоядерная в целом, решается во всем мире, если так можно выразиться, методом конкурирующих разработок. Он обеспечивает максимальную ширину охвата темы, с наибольшей гарантией ведет к достижению основной цели, но вместе с тем вносит много драматических неожиданностей: одни направления, признанные ранее перспективными, постепенно сходят на нет, другие, казалось бы, отставленные на второй план или вообще прочно забытые, вдруг завладевают всеобщим вниманием. Поэтому очень трудно сказать даже при явном лидере, кому из конкурентов посчастливится первым порвать финишную ленточку.

Сегодня наиболее перспективным из всех методов нагрева плазмы стал так называемый электронный циклотронный резонансный. Для проведения крупномасштабного эксперимента по нагреву плазмы этим способом пришлось решить целый комплекс проблем. Самая трудная из них — чисто технологическая. У физиков не было основной детали «печки» — генератора. Это устройство разработали в Институте прикладной физики АН СССР.

Параллельно с созданием таких мощных установок в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова и Ленинградском физико-техническом институте АН СССР имени А. Ф. Иоффе были начаты эксперименты по нагреву токамака так называемыми электронными циклотронными волнами.

Совместными усилиями физиков этих институтов, а также инженеров электронной промышленности создан комплекс нагрева плазмы на крупнейшем в Советском Союзе токамаке Т-10. Температуру плазмы удалось поднять до 30 миллионов градусов. На токамаке Т-15 достижение термоядерных температур предполагается осуществить именно таким способом. Сегодня это один из наиболее перспективных методов нагрева плазмы. Работа отмечена Государственной премией СССР.

МГДЭС ВМЕСТО ТЭС

Академик А. Е. ШЕЙНДЛИН, председатель Международного консультативного комитета по проблеме МГД, директор Института высоких температур АН СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии СССР

Вся история развития энергетики — в постоянном поиске метода более эффективного преобразования тепловой энергии в электрическую. Сейчас электрический ток во всем мире рождается преимущественно на тепловых электростанциях, работающих на органическом топливе (угле, нефти, газе). Даже на самых совершенных ТЭС кпд достигает лишь около 40 процентов, и это уже предел. Почти две трети энергии в виде тепла пропадает зря — выбрасывается в окружающую среду. Тем самым не только истощаются запасы топлива, но и наносится большой вред природе, загрязняется атмосфера, нарушается ее тепловое равновесие.

И вот в последнее время обращено внимание на новый метод прямого преобразования тепла в электроэнергию — на основе использования магнитогидродинамического принципа. А установки получили название МГД-генераторов. С ними кпд станции возрастает до 50, а в перспективе до 60 процентов.

Совсем еще недавно такой способ считался экономически невыгодным. Однако именно советские ученые доказали, что это не так. Сегодня во всем мире МГД-энергетика признана одним из перспективнейших направлений. Лидирующее положение Советского Союза в этой области подтвердила прошедшая в Москве XIII Международная конференция по МГД — преобразованию энергии.

Впервые в мире идея комплексной энергетической установки была реализована в СССР еще в 1964 году. В 1971 году у нас введена в строй, тоже впервые в мире, опытно-промышленная установка с проектной мощностью генератора 20 мегаватт. Она служит ступенью к дальнейшим исследованиям по созданию более мощных и экономичных МГД-установок.

Определена последовательность внедрения МГД-электростанций в энергетику Советского Союза. На первых порах решено строить МГД-электростанции на природном газе там, где планируется сооружение обычных тепловых электростанций. На Рязанской ГРЭС уже завершается строительство МГД-энергоблока мощностью 500 мегаватт на газомазутном топливе. Почти как первый Днепрогэс, но это только начало.

Затем начнут вводиться один за другим аналогичные блоки мощностью до 1000 мегаватт. И, наконец, настанет очередь угольного топлива, запасы которого у нас достаточно велики. Вероятно, первые МГДЭС на угле появятся в начале 90-х годов на базе Кузнецкого и Канско-Ачинского бассейнов.

А ученые тем временем продолжают лабораторные исследования. Помимо плазменного МГД-генератора, возможны устройства, работающие на жидком металле. Их можно использовать в сочетании с жидкометаллическим ядерным реактором на быстрых нейтронах, но нужно еще найти способ повышения кпд...

Магнитно-динамическая электростанция — реальность энергетики завтрашнего дня. Тепловые электростанции, на долю которых приходится сейчас до 90 процентов всей выработки электроэнергии, в сочетании с МГД-генераторами будут работать значительно эффективнее. Расходы топлива сократятся почти на треть. Никакие другие устройства не смогут заменить МГД-генераторы в этой роли.

Повысить кпд энергетических установок важно не только с точки зрения экономии топлива и снижения стоимости электроэнергии. Речь идет и о проблеме загрязнения атмосферы отработанными газами и теплом. МГД-генераторы помогут почти в два раза снизить вредные выбросы в окружающую среду. Они представляют собой новое слово в энергетике, выгодны не только с точки зрения экономики, но и экологии.

САМЫЙ МИРНЫЙ ВЗРЫВ

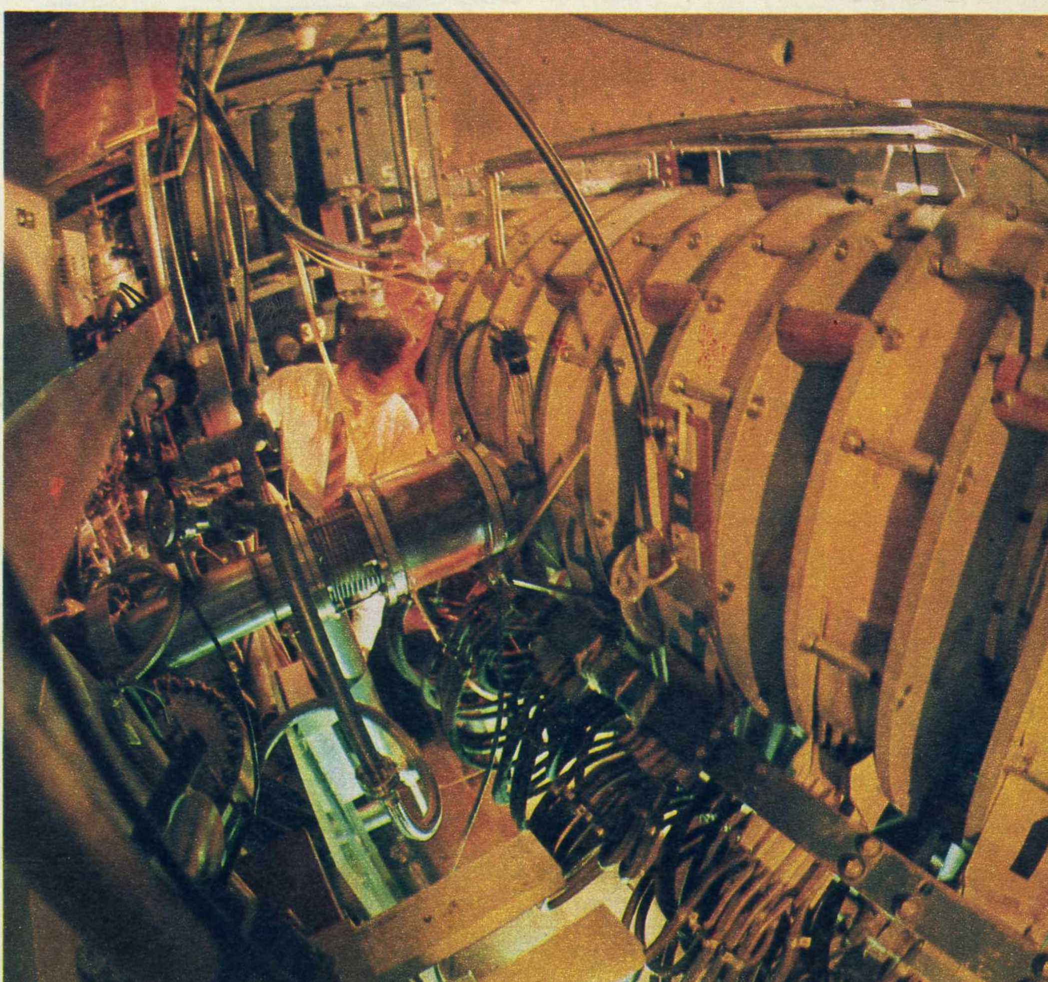
Вице-президент АН СССР академик Е. П. ВЕЛИХОВ, Герой Социалистического Труда

Поиск полезных ископаемых, прогнозирование землетрясений, изучение строения земной коры... Эти важнейшие, но разные по сложности задачи решает сегодня современная геофизика. А особое место среди методов этой науки занимает электромагнитный. Он дает наиболее полное представление о том, какие вещества составляют горные породы.

В лабораториях Института атомной энергии имени И. В. Курчатова.

Фото А. ХРУПОВА

Но для достижения огромных глубин, где залегают эти породы, нужны соответствующие источники тока: мощные, легкие и надежные. Всем этим требованиям отвечают МГД-генераторы так называемого импульсного действия. В их основе лежит следующий эффект: если струю раскаленного газа — плазмы, которая представляет собой продукты сгорания топлива, пропустить через магнитное поле, в ней возникает электрический ток.

«Сердце» импульсного МГД-генератора — ракетный двигатель, где сгорает порох. Но порох необычный. Советские ученые под руководством академика Б. П. Жукова создали специальное топливо, в 16 тысяч раз увеличив электропроводность его плазмы по сравнению с обычным ракетным.

МГД-генераторы применяют теперь не только в энергетике. С их помощью ведутся поиски угля и нефти, они помогают исследовать и предсказывать землетрясения.

В конце 70-х годов в Таджикистане в районе хребта Петра I на Памире ученые провели первые эксперименты. Цель — выявить предвестников землетрясений и попытаться прогнозировать это стихийное бедствие. Регулярные наблюдения позволили сделать вывод: перед землетрясением электрическое сопротивление пород меняется, обычно за 10—15 суток оно уменьшается на довольно значительную величину, доходящую до десятков процентов.

Наша мощная установка «Памир-1» позволила регистрировать сигналы на расстоянии до 30 километров от нее. С помощью одного такого генератора в принципе можно контролировать территорию общей площадью 10—20 тысяч квадратных километров.

Результаты последующих экспериментов в какой-то мере пошатнули традиционные представления. Раньше ученые полагали: с приближением к эпицентру аномалия электропроводности пород будет проявляться сильнее. Но оказалось, что мощные аномалии могут ощущаться на очень больших расстояниях от очага, вплоть до сотен километров. Такие неожиданные данные получены на специализированном полигоне в Киргизии с МГД-установками «Памир-2» и «Прогноз». Сейчас создается еще один аналогичный полигон недалеко от города Андижана.

Не менее увлекательную, важную и сложную задачу представляет собой поиск с помощью МГД-генератора нефтяных и газовых месторождений.

«Черное золото» и сопутствующий ему газ обычно содержатся в осадочных породах, многокилометровой толщей покрывающих литосферу — твердую оболочку Земли. И какой именно из этих слоев является нефтегазоносным, можно судить, в частности, по его электрическому сопротивлению. Сама по себе нефть — очень плохой проводник тока, она имеет чрезвычайно высокое электрическое сопротивление. Но рядом с природным горючим, как правило, соседствует вода — хороший проводник, который легко выявить с помощью электромагнитного зондирования. Поэтому по наличию воды можно судить о присутствии нефти где-то поблизости.

Благодаря МГД-зондированию появилась возможность не только определять нефтегазоносные слои, но и четко ограничивать ту площадь, на которой стоит искать нефть. А ведь обычно приходится бурить множество дорогостоящих разведочных скважин, из которых в среднем только три-четыре на десять оказываются продуктивными. Использование электромагнитных методов в комплексе с другими позволит существенно упростить геологоразведочный процесс, сократить время и сэкономить огромные средства.

Способ этот уже успешно исследован в Прикаспийской низменности — традиционном нефтегазоносном регионе нашей страны.

Нефть и газ не единственные полезные ископаемые, которые можно искать этим способом. Во время очень интересного эксперимента «Хибины» по аналогичному принципу ученые определили структуры земной коры Кольского полуострова, где наиболее вероятно присутствие различных металлических руд: меди, никеля, титана, редкоземельных элементов.

Но поиск полезных ископаемых не являлся основной научной целью эксперимента «Хибины», не знающего аналогов в истории геофизических исследований. Задачей номер один было изучение глубинного строения Земли. Не зная устройства недр, невозможно понять ни механизмов образования, ни закономерностей залегания полезных ископаемых, ни процесса зарождения землетрясений...

На Кольском полуострове действует сейчас опытный полигон, где испытываются новая уникальная техника и технология. К исследованиям советских ученых проявляют большой интерес наши зарубежные коллеги.

В специальной экспериментальной установке воссозданы в миниатюре условия, при которых образуются вспышки на Солнце.

Фото А. ФЕДОСЕЕВА

Недалеко от Фрунзе в горах оборудован полигон для исследования возможностей предсказания землетрясений с помощью МГД-установки «Памир-2».

Фото Б. МОШКОВА

ВСПЫШКИ СОЛНЦА... В ЛАБОРАТОРИИ

Кандидаты физико-математических наук А. Г. ФРАНК и С. В. БУЛАНОВ, лауреаты Государственной премии СССР

Когда на Солнце происходит вспышка, за несколько минут выбрасывается гигантская энергия — «норма», получаемая Землей почти за 10 лет. Всплеск солнечной энергии достигает Земли. И первое, что происходит,— нарушающие радиосвязь магнитные бури в ионосфере. Врываясь затем в атмосферу, усиленное излучение возмущает ее «механику». И тут начинается: резкие перемены погоды, стихийные явления, нарушения нормального режима биосферы... Все мы очень остро на себе ощущаем воздействие вспышек на Солнце. И предсказание их возникновения — важнейшая проблема для человечества. Ее решить нельзя, не изучив это грандиозное явление, не поняв его причин, не установив законов, по которым оно развивается. Но мыслимо ли все это уяснить в земной лаборатории?

Многолетние теоретические исследования профессора С. И. Сыроватского, сделавшего свои первые шаги в науке под руководством крупнейшего физика-теоретика академика И. Е. Тамма, позволили осуществить невиданный эксперимент: воспроизвести солнечную вспышку в миниатюре в лабораторных условиях. Эта работа удостоена Государственной премии СССР.

Вспышки на Солнце интересны и тем, что это наиболее яркий пример магнитогидродинамических процессов в плазме.

Теоретические представления — какие явления происходят в околосолнечной плазме во время вспышки — должен был подтвердить (или опровергнуть) невиданный эксперимент в Институте общей физики АН СССР.

Была создана специальная установка, подобной которой нигде больше нет. И в ней в немыслимо уменьшенном масштабе воссозданы процессы, происходящие на Солнце. В плазме высокой температуры возбуждали электрический ток: создавался слой толщиной около сантиметра, шириной — 10, длиной — 40 сантиметров. Вокруг него концентрировалась магнитная энергия. Эти процессы исследовались с помощью радиолокации. Киноголографическая установка, вооруженная рубиновым лазером, позволила увидеть, как плазменный токовый слой внезапно разрушается: происходит выброс потоков плазмы и ускоренных частиц, сопровождаемый интенсивным нагревом. Все как на Солнце!

Выступления ученых подготовили Вячеслав МАРКИН («Наука в СССР»), Ванда БЕЛЕЦКАЯ («Огонек»).

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЭКВАТОРУ

Говорят, путешествие в дальние края можно совершить, прочитав хорошую книгу. Подтверждением тому служит альбом известных публицистов Д. Горюнова и С. Кулика «Кения. Фотоочерки о стране» (художник Н. Ушацкая), выпущенный издательством «Планета». Образ Кении передан в нем настолько осязаемо, что наяву слышишь запахи и голоса ее саванны, лесов и гор. Тот, кто бродил по кенийской степи, ночевал в дымной хижине кочевников, любовался заснеженными пиками заоблачных гор, подтвердит точность этого наблюдения.

Читатель хочет сегодня знать об Африке как можно больше. Кения — одна из любопытнейших стран континента, которая словно бы вобрала в себя всю его многоликость. Ее отличают поразительное разнообразие природных условий, уникальные флора и фауна. В молодом африканском государстве складывается современное плантационное сельское хозяйство, промышленность, цивилизация небоскребов и компьютеров. «Зеленый город под солнцем», как начертано на гербе Найроби, целиком принадлежит XX столетию — недаром он ровесник века, один из наиболее современных городов на континенте — столица одной из «самых африканских стран». Свыше 40 народностей небольшой республики стоят одной ногой в космическом веке (там уже десять лет действует станция космической связи), а другой — в самой допотопной старине. В Кении видишь и воспринимаешь всю Африку с ее человеческими, социальными, экономическими и другими проблемами, со всеми ее необычайными, неповторимыми чертами и противоречиями. Географы, историки, этнографы, социологи, археологи...— словом, ученые различных направлений рассматривают страну как лабораторию, где возможны самые невероятные открытия в области происхождения и эволюции человека, в познании жизни и психологии африканцев. Вот почему фотоальбом Д. Горюнова и С. Кулика (кстати, первый в своем роде о Кении) представляет несомненный интерес не только для специалистов-африканистов, но и для массового читателя.

Авторы выделяют в характере жителей Кении органическое чувство собственного достоинства, гордость, благородство и трудолюбие. В книге воссоздан довольно полный образ масаев — народа, упорно сопротивляющегося «крестовому походу» западной цивилизации, народа, сохранившего свое достоинство, древние обычаи, нравы, одежду. Этих людей — некоторые этнографы считают их потомками древних египтян — можно понять, если учесть, что их борьба за сохранение культурного наследия прошлого происходит в тот момент, когда западные державы, прежде всего США, навязывают свой образ жизни с его патологическим индивидуализмом и культом насилия.

...На берегах озера Рудольф живут эль-моло («рыбьи люди»). Мир услышал об их существовании в 20-х годах нашего столетия, но только в 1934 году экспедиция Вивиана Фукса обнаружила селение эль-моло, позволившее из XX столетия перенестись в цивилизацию каменного века. Самая маленькая народность в Африке насчитывает всего 263 человека. Достаточно один раз в стоящей на опорах из позвоночников нильского окуня хижине эль-моло похлебать суп из черепа крокодила, превращенного в миску, или испить ключевой воды из черепахового панциря, чтобы долго с благодарностью помнить об этом.

Многое в быту, образе мышления и психологии народов Кении — да и Африки в целом — поучительно и для тех, кто гордится своей цивилизованностью. Самбуру, туркана, покот, рендилле, эль-моло, как рассказывают авторы, живут «налегке», не обремененные вещами. Их психология, нравственные устои не приемлют «вещизма», отвергают поклонение бытовым удобствам. В их представлениях о счастье и несчастье значительно больше чистых человеческих чувств, духовного, чем у «цивилизованного» обывателя, замкнувшегося в скорлупе буржуазного эгоизма.

Полон чудес и неожиданностей мир этого уголка Африки. Природа верно служит человеку. Щедра дарами кенийская земля. Человек, познакомившийся с фотоочерками Д. Горюнова и С. Кулика, поневоле заражается интересом к Африке. Каждая страница книги — это настоящее путешествие по неведомым экваториальным землям.

В. КОРОЧАНЦЕВ

«Кения». Фотоочерки о стране. М., Изд-во «Планета», 1985.

среди книг

Ирина **ТОЛКАЧЕВА**

Фото **Д. ДЕБАБОВА**

Такси медленно подъезжает к большому светлому зданию. Из машины выскакивает молодой мужчина с цветами в руках и спешит к дверям...

И вот двери Всесоюзного научно-исследовательского центра охраны здоровья матери и ребенка вновь распахиваются, и выходят счастливый отец, неумело прижимающий к себе запеленутого малыша, и его молодая жена, еще бледненькая, с тенями под глазами, но с нежной, светлой улыбкой...

Алевтина Яковлевна Красильникова, старший научный сотрудник второго акушерского отделения, долго смотрит в окно, вслед молодой семье. Потом она поворачивается ко мне с чуть повлажневшими глазами и говорит:

— Наш Центр не единственный в стране. В каждой республике сейчас создаются подобные научно-лечебные учреждения. Особенность, можно сказать уникальность, нашего, московского, состоит в том, что здесь сосредоточился как бы цвет медицинской науки на важнейшем ее направлении — борьбе за спасение новой жизни и сохранение здоровья матери. Все самое новое в этой области применяется у нас на практике. Родов здесь принимается сравнительно немного — десять — пятнадцать в сутки. В городских роддомах норма двадцать — двадцать пять. Но наши, как мы говорим, случаи в основном самые трудные, опасные...

Мы идем с А. Я. Красильниковой по длинному коридору из одной лаборатории в другую.

— Главная забота Центра,— рассказывает врач,— чтобы по всей стране лечение матери и новорожденных проходило на самом современном уровне развития медицины. Часто мы ведем выездные семинары, читаем лекции. Учим новым или усовершенствованным приемам в хирургии. Принимаем специалистов у себя для повышения квалификации.

Останавливаемся около родильного отделения. И вдруг примечаю — Алевтине Яковлевне стало не до меня. Тревожный шепот медсестер, торопливо идущих мимо к операционной. Более властный, чем обычно, голос дежурного хирурга.

Очередное ЧП. У роженицы открылось сильное кровотечение. В Центре научились эффективно бороться с этим бедствием, когда за считанные минуты можно потерять человека. В лаборатории доктора медицинских наук А. Д. Макацарии уже много лет занимаются этой и сопутствующими ей проблемами. Разработаны карты симптомов возможного осложнения, принципы профилактики. Действует круглосуточная помощь.

Александр Давыдович Макацария потом рассказывал мне:

— Студентом проходил практику в роддоме. Там испытал страшное потрясение, узнав, сколько молодых, полных сил и энергии женщин погибает от этого недуга. Аспирантом начал работать, чтобы победить его. Потому и сюда пришел — в самое, может быть, горячее место для своей области медицинской науки.

А. Д. Макацария рассказывает мне о тяжелой болезни, передающейся по наследству,— несвертываемости крови.

— Если раньше таких больных не могли спасти уже в младенческом возрасте,— говорит он,— то сейчас они доживают и до старости и имеют детей.

Бывает, люди и сами не подозревают о своей болезни. Вплоть до непредвиденного случая. Особенно женщины. У них недостаточная свертываемость крови обычно скрытая, и проявляется она иногда только во время родов. Иногда роженицу удается спасти, только сделав уникальную пока операцию по искусственной закупорке сосудов. Разработана и сделана эта операция в институте имени А. В. Вишневского.

Но это случай все же исключительный. Чаще помогает лекарственная блокада, которую непрерывно совершенствуют в лаборатории А. Д. Макацарии.

Много опасностей подстерегает женщину на пути творения новой жизни. Риск редко заставляет ее отказаться от святой своей миссии, от счастья иметь детей.

Знаете ли вы, как выглядит только что родившийся человечек? Ни одна мать, наверное, никогда не сможет забыть первое свое впечатление от беспомощности этого маленького существа, едва шевелящего ручками и ножками и издающего слабый писк.

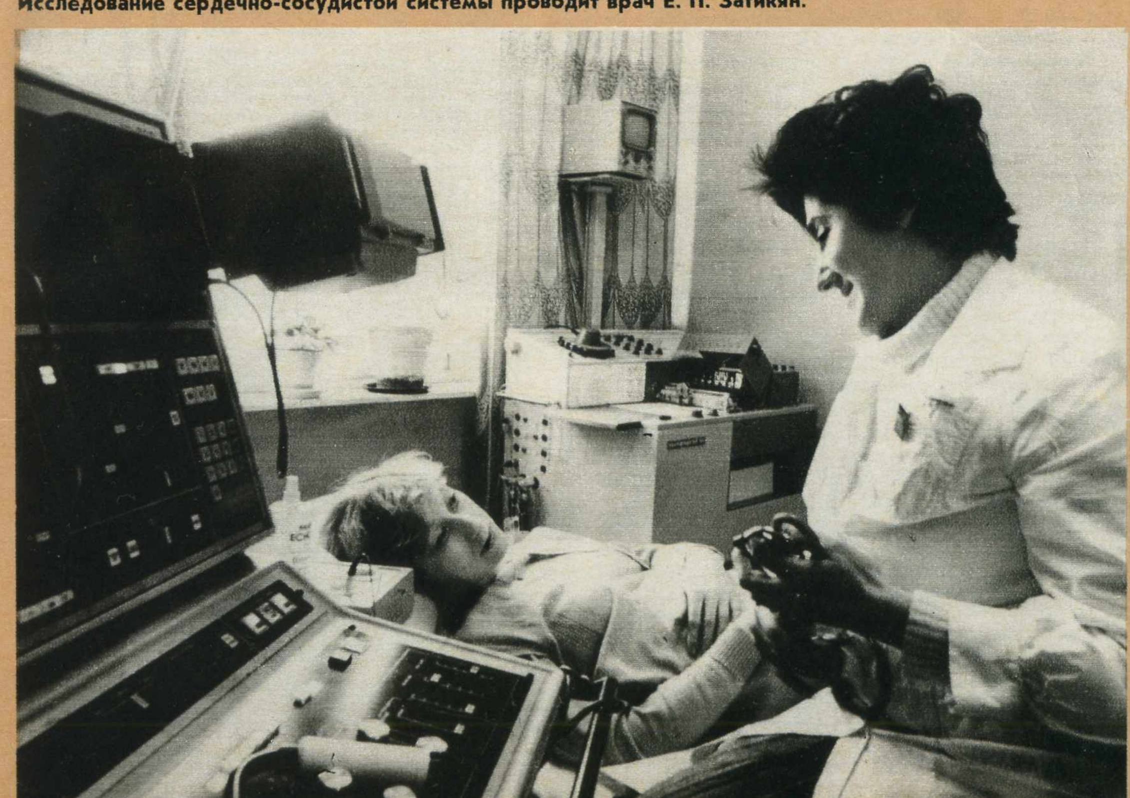
Отделение интенсивной терапии новорожденных оборудовано по последнему слову науки. На здоровых-то детишек боятся дохнуть, а здесь...

— Нарушения в дыхательной системе, желтуха, инфекции,— все может стать гибельным для новорожденного,— говорит доктор медицинских наук Николай Иванович Кудашов,— особенно если по тем или иным причинам он оказался недоношенным.

Таких слабеньких малышей, с разными осложнениями выхаживают в этом отделении. Все подчинено здесь тому, чтобы выписать малышей и мам из Центра здоровыми.

...Выхожу из здания и вижу: подъезжает такси, выскакивает счастливый отец с цветами, бежит к двери... Вскоре он выходит с женой, и на руках малыш. Оборачиваюсь, гляжу на окна. Так и есть! Врач смотрит вслед отъезжающей на такси молодой семье.

Исследование сердечно-сосудистой системы проводит врач Е. П. Затикян.

ЖИ

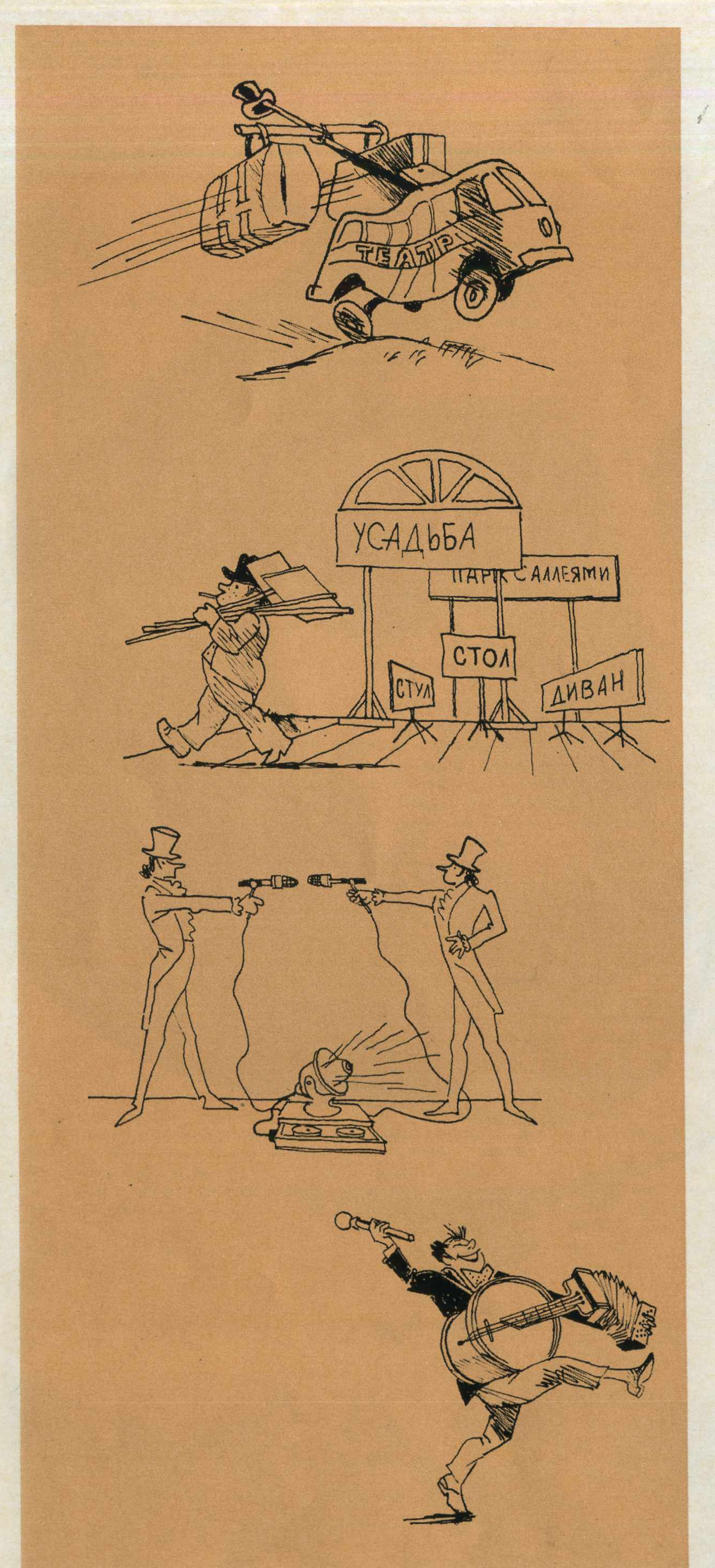

Врачи сделали все, чтобы молодая мать не тревожилась за своего ребенка.

ЗНЬ В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Театральный... аврал?

Алексей КУЗНЕЦОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Ежегодно практически все театры нашей страны выезжают на сельские гастроли. Спектакли на селе входят в план работы каждого театра, они являются обязательной формой его деятельности.

И, разумеется, театры свои планы успешно выполняют.

Тем не менее давайте попробуем пристально взглянуть на проблему. В том, что она существует, сомневаться не приходится. Уже давно в театральном мире бытует понятие «сельского» спектакля. И, к сожалению, так говорят, имея в виду нечто неполноценное. «Сельский» спектакль как-то незаметно стал чуть ли не синонимом «усеченного», «урезанного» искусства. И это при том, что проводятся плановые мероприятия, совещания, заседания, большую и полезную работу ведет Совет по работе театров на селе Всероссийского театрального общества. Но, видимо, все же чего-то не хватает. Давайте разберемся, чего именно.

Заметим сразу, что сельские спектакли очень нужны, и ничто, даже кино или телевидение, не в состоянии заменить радость живого общения с театром. Только вот что: в условиях сельских гастролей любая техническая сложность, даже самая элементарная, мгновенно становится творческой проблемой.

Но именно с техническими проблемами в первую очередь сталкивается любой театр, выехавший на село. Говорят, один переезд равен двум пожарам. В таком случае театр, перевозящий актеров, костюмы, декорации, технический персонал километров этак за 200, а то и побольше, всякий раз попадает в «пожарную» ситуацию.

Представьте себе, что от Моны Лизы отрезали кусок холста! Представьте, что из симфонии убраны все партии струнных инструментов! Но ведь спектакль — такое же законченное произведение искусства, он выстроен в пространстве и времени по своим определенным законам. Когда же он вывозится на село, волей-неволей приходится как-то «ужимать» декорации, что-то не влезает в грузовик уже при выезде, что-то не помещается на крохотной сцене клуба — вот и происходит «сокращение количества».

Вполне резонно, что оно автоматически влечет за собой и потери в качестве.

Получается, что спектакль в таких условиях заранее настроен на некоторую неполноценность. Художественную неполноценность, заметьте! Особенно сильно это отражается на театре музыкальном. Оперный спектакль со своими громоздкими декорациями до села не добирается, давая представления в крупных райцентрах, да и там приходится сокращать чуть ли не вдвое хор, оркестр. В балете сокращаются, «ужимаются» кордебалет и миманс. Камерный по составу оркестр должен пытаться играть симфоническую музыку.

В такой авральной обстановке театр просто вынужден как-то вырабатывать методы проведения спектакля. И очень легко, удобно и, главное,— иначе просто невозможно в сегодняшних условиях! — сделать некий «гастрольный вариант» спектакля, который в итоге становится «облегченной моделью» того искусства, что, наверное, существовало вначале. В финале, как правило, творчество пропадает.

Конечно, как легко было бы, если бы все сложности были только технического порядка! Но перейдем к проблемам творческим.

Во-первых, репертуар. Ясно, что выгодно и удобно везти на село спектакль, в котором занято не много актеров и используется мало декораций. Это зачастую определяет и выбор пьесы для такого «сельского мероприятия». Но облегченность техническая, как правило, диктует и облегченность идейно-художественную. Иными словами — эстетическую неполноценность спектакля. В театре как-то незаметно складывается тип спектакля, заранее рассчитанного на условия сельских гастролей, не претендующего на художественные достижения, спектакля-«середняка», единственное достоинство которого — мобильность. Вот и разъезжают по селам бесчисленные «Ретро», «Восемь любящих женщин», «Моя жена — лгунья», «Стихийное бедствие»... И играются они, заметьте, в самых что ни на есть «облегченных» традициях.

Почему-то сложилось мнение, что зритель на селе не очень требователен и очень благодарен, что ему оперетту (а точнее — опeретку!) подавай, что он любое «зрелище» посмотрит и похлопает без всяких придирок. Кстати, бурный успех сводных концертов любого периферийного театра оперетты это якобы подтверждает. Но у оперетты свои законы. Водевильная же легковесность драматического спектакля, сыгранного на селе, подчас граничит с безответственностью. Сойдет, мол! Ведь, как правило, на сельском спектакле нет представителя режиссерского управления или равноценного ему органа. То есть фактически некому следить за собственно художественной частью спектакля. Спектакль как бы идет самотеком. Актеры, чутко улавливающие малейшую слабинку в публике, начинают на эту самую публику «работать», комиковать, веселить — словом старательно способствуют разрушению целостного сценического образа. Заметьте, это процесс объективный, это практически не зависит от уровня актеров, это — прямое следствие произвольного «саморазвития» сельского спектак-

ля. Конечно, не каждый раз так бывает, но тенденция очевидна.

И основана она на ложном представлении о своем будущем зрителе, на непонимании, что самое главное в работе на селе. Ведь цели этой работы — отнюдь не развеселые водевильчики, не развлечение типа «Эй, почтеннейшая публика!». Эти цели нельзя даже определить как чисто просветительские и ограничиться этим! Все же главный упор сегодня мы стремимся делать на эстетическое, а значит, и на нравственное воздействие театра.

Сельский зритель сегодня не так уж и прост, как кажется некоторым театральным деятелям: «благодарность» и, следовательно, «всеядность» его — вещь очень сомнительная. Помилуйте, товарищи! У каждого из нас есть телевизор, по которому транслируются лучшие образцы современного театра. Любой сельский зритель сегодня достаточно хорошо может ориентироваться в шкале ценностей современного искусства. И заранее рассчитывать на некую ущербность, эстетическую невосприимчивость сельского зрителя просто нелепо.

А не значит ли это, что многие формы работы театра на селе сегодня безнадежно устарели? Что пора как-то кардинально переменить эти формы, ни в коем случае не ставя под сомнение саму идею?

Попробуем представить себе некоторые варианты такой работы, тем более что частично они уже осуществляются на практике.

Всего один пример. Пермский драматический театр специально для сельских гастролей подготовил в прошлом году на малой сцене пьесу С. Лобозерова под названием «Маленький спектакль на лоне природы». В этой постановке все заранее рассчитано на максимальную мобильность — мобильность техническую. Но при этом театр получил возможность играть очень серьезную и умную пьесу, не делая никаких купюр в художественном решении. Причем эта пьеса написана на тему, связанную с современным селом.

Значит, можно готовить к сельским гастролям не «облегченную модель», не водевильную «развеселость», а серьезную драматургию? Это, кстати, один из возможных вариантов функционирования малых сцен.

Основные направления возможных и очень желательных перемен были предметом острого разговора за «круглым столом», проходившего в рамках заключительного этапа Всероссийского фестиваля «Театры — селу» в Смоленске. Не претендуя на универсальность предложенных решений, попробуем определить пути реорганизации.

Очевидна плодотворность открытия в райцентрах филиалов областных театров, которые бы приезжали туда не раз в год, как часто бывает сегодня, а играли бы там свои спектакли хотя бы ежемесячно для начала. Филиал должен быть настоящей базой для театра. Сегодня уже бытует такое определение — филиал театра, но, как правило, дело не идет дальше названия и торжественных деклараций. Чтобы филиал стал для театра вторым домом, необходима постоянная и, что очень важно, двусторонняя связь с театром. Надо, чтобы театр был заинтересован в такой связи, ведь он будет тогда приезжать не просто «на деревню к дедушке», но на свою, именно свою заранее подготовленную площадку. Техническая оснащенность многих домов культуры сегодня позволяет сделать это. Можно назвать, например, великолепное здание районного Дома культуры в райцентре Фролово Волгоградской области. В этом помещении можно осуществлять самые сложные технические и творческие задачи. И жаль, что Волгоградский драматический театр очень плохо использует такую прекрасную возможность. Подобное положение вещей — не редкость, а, к сожалению, правило. Уверен, что комплексный подход к проблеме филиала даст резкий качественный скачок в деле «сельского спектакля».

Очень важен и круг вопросов, связанных со зрителем. Наверное, при налаженной системе филиалов именно в них, в райцентры будет очень удобно привозить зрителей из окрестных сел. Согласимся с тем, что вывозить без предварительной подготовки спектакль на село, на маленькую сцену сельского клуба — значит почти всегда наносить спектаклю ущерб. Ущерб эстетический, что на деле обернется нравственными потерями.

Значит, нужны организация приезда зрителей из села в город, театральные фестивали с участием сельского зрителя, праздники под открытым небом. Такие мероприятия успешно проводятся, например, Саратовским отделением ВТО. Зритель, приезжая в город, чувствует, что именно ради него ведется вся работа, он чувствует себя не только хозяином (когда спектакль на селе), но и гостем (на выезде в город). То есть это элементы двусторонней связи театра со зрителем села. Такая работа, конечно, сложна, но и без нее никак нельзя.

На собственно сельской сцене очень перспективна практика концертов, творческих встреч, которые прекрасно могут проходить на любой площадке. Надо учитывать еще и такой чисто психологический фактор: зрителям на селе такие встречи с актерами, с людьми театра, быть может, интереснее, чем сами спектакли. Живое общение с актером как с интересным человеком — вот та основа, на которой и должны эти встречи проводиться.

А теперь положа руку на сердце скажите: так ли уж ново то, что сейчас вы прочитали? Во всяком случае, люди театра прекрасно знают все эти проблемы, ибо сталкиваются с ними в своей повседневной практике. Давно назрела необходимость всерьез заняться организационным решением этих задач, тем более что ничего непостижимого, загадочного или невыполнимого здесь нет.

Все мы против плохого искусства.

Все — за хорошее!

За чем же дело стало? Может быть, за помощью театру? Ясно одно: работа должна быть проведена как единый и постоянный комплекс мер. До тех пор, пока мы не разучимся действовать методом творческого аврала, театры в период сельских гастролей будут находиться в «пожарной», иными словами, экстремальной ситуации. Нужно создать нормальные условия для планомерной, ежедневной работы. И только тогда мы сможем искоренить тот неприятный оттенок, который сейчас неразлучно сопровождает это понятие — «театр на селе».

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя статью А. Кузнецова, мы ждем от читателей — и зрителей, и практиков театра — продолжения разговора о культурном обслуживании сельских жителей, о формах этой работы, о ее проблемах.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

И СНОВА ПОЖАРЫ

О частых пожарах в дельте реки Или (порой с поджогами) на территории Прибалхашского государственного заказника и об ущербах — хозяйственном и экологическом — от них рассказывалось в статье Ю. Лушина «Дельта в огне» («Огонек» № 42, 1985 год).

В статье назывались и конкретные виновники бедствий — земли заказника предоставлены совхозам «Жиделинский», «Баканасский», «Коктальский». Здешние чабаны и скотники поджигают траву в дельте Или. Иногда это случается по небрежности, иногда делается с убеждением, что «так лучше растет трава».

Редакция получила несколько ответов. Начальник Алма-Атинского областного управления лесного хозяйства и охраны леса Г. Серещев подчеркнул актуальность выступления журнала и привел факт: только в 1985 году в дельте на государственном лесном фонде зарегистрировано девять лесных пожаров. Малочисленная лесная охрана не в силах усмотреть за поджогами.

Г. Серещев считает, что дельту реки Или нужно объявить заповедником без всякого хозяйственного использования.

Между тем заместитель прокурора Алма-Атинской области А. Капсултанов сообщает: «В 1985 году загораний и пожаров на территории Прибалхашского госзаказника не было зарегистрировано». Точнее, прокуратуре об этом ничего не известно. Причина неосведомленности в одном: виновные не привлекались к ответственности, и ущерб, причиненный природе, остался невосполнимым. Исковые документы в 1984 году оформлялись лишь на чабана совхоза «Жиделинский» Ж. Дюсембаева (хотя и было 19 отмеченных пожаров), который задержан егерем с поличным, но в суде дело не рассматривалось.

В официальных ответах, пришедших в редакцию, назывались меры, предпринятые по борьбе с пожарами различными ведомствами. Но письма эти свидетельствуют о том, что в действиях, направленных на предотвращение бедствий, нет согласованности.

Строго взыскивать со своих подчиненных за причиненный природе ущерб обязаны и руководители совхоза, чьи хозяйства пользуются землями заказника. Партийные и советские органы Балхашского и Куртинского районов Алма-Атинской области должны навести здесь необходимый порядок.

Редакция считает, что наряду с введением более строгого режима в заказнике, усилением контроля компетентным органам следует рассмотреть предложения о целесообразности объявить часть дельты заповедником и запретить там всякую хозяйственную деятельность. Это поможет сохранить уникальную природу здешних мест.

●

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

«Огонек» дважды рассказывал о печальной судьбе прокурора из Казахстана Павла Николаевича Кима в материалах В. Пронина «Помогите прокурору!» (№ 24, 1984 г.) и «Прокурору никто не поможет?» (№ 25, 1985 г.).

Два года назад П. Н. Ким был обвинен — необоснованно — в нарушении правил дорожного движения, а снят с должности, как об этом записано в трудовой книжке, «за недостойное поведение».

Не правда ли, для прокурора формулировка достаточно необычная и суровая? Многочисленные экспертизы то увеличивали вину П. Н. Кима, то полностью оправдывали его, но сути дела это не меняло. Он оставался осужденным. Правда, условно, но работать по специальности уже не мог.

И вот, наконец, по прошествии еще одного бесконечно долгого для Кима года можно, казалось бы, со вздохом облегчения поставить заключительную точку. Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. С. Галкин сообщил, что уголовное дело по обвинению П. Н. Кима «в нарушении правил безопасности движения прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 5 УПК РСФСР — за отсутствием состава преступления».

Однако радоваться Павел Николаевич не спешит. Порочащая запись в трудовой книжке осталась, и пока никто не собирается ее менять. Естественно, устроиться на работу с таким пятном ему не удается, даже если эта работа не связана с юридической деятельностью. Так что конца мытарствам прокурору все еще приходится ждать. Долго ли? Мы ждем ответа от Прокуратуры Казахской ССР.

КОСА НА КАМЕНЬ

Вскопать-вспахать? Но чем? О заботах садоводов-любителей — заметки экономиста Р. АНТОНОВОЙ

Задача у меня скромная и, как поначалу казалось, простая: ищу инструмент для работы на садовом участке. Присматриваюсь к тяпкам и мотыжкам, к лейкам, косам и косилкам, к простому немудрящему товару, без которого, однако, никак не обойтись сельскому жителю да и горожанину, по субботам и воскресеньям приезжающему покопаться в грядках, в небольшой своей тепличке...

Казалось бы, кому охота отдавать свой досуг такому вот делу. Охота! Все больше желающих вырастить на клочке неудобья куст крыжовника или разбить клумбу с редкими цветами. Встретила в печати такие цифры — в стране семь миллионов рабочих и служащих имеют садовые участки. Около восьми миллионов семей пользуются огородами. Известно, что этот любительский огородно-садоводческий клин (и без того немалый) будет ежегодно возрастать на миллион участков. Все, что выращивается-собирается на таком подворье, само в руки не придет: огород надо вскопать (лучше бы вспахать), клубнику прополоть, огуречную плеть проверить раз и второй.

Вскопать-вспахать? Но чем? Значителен ряд изделий, которые нужны владельцу небольшого садика-огородика с домиком на краю участка. Значителен, но не безграничен, и это упрощает проблему, делает ее обозримой. И решаемой. Тут надо сказать, что рынок инструмента и инвентаря — это два «слоя». В одном покупатель — постоянный житель деревни; во втором — к земле не приученный, неумелый горожанин, выезжающий на свою мини-ферму в субботу и воскресенье. Еще и отпуск свой не прочь провести тут, на свежем воздухе, за здоровой работой. Нередко до того самого дня, как получил он участок, такой человек и косу в руках не держал. Однако у себя на заводе этот садовод-любитель уже освоил и работает с такими приспособлениями, рядом с которыми современная сенокосилка проста. Значит, привыкание к самому сложному садовому инструменту пройдет без особых осложнений.

Зато покупатель из числа селян — это человек знающий, осмотрительный, тщательный. И привередливость его не есть каприз: если сельский житель что-то не покупает, хотя это что-то (скажем, грабли или мотыга) в хозяйстве нужно, значит, то, что ему предлагают, никудышно и никчемно. Обо всем этом я думала, когда пришла на всесоюзную оптовую ярмарку.

...Вот и товары: хорошие пилы, лопаты со сменными насадками, опрыскиватель; садовая тележка из Чебоксар, с тамошнего тракторного завода, рыхлитель для грядок, мотыжка, баки для воды, насос. Насос как насос, таких бывало-перебывало десятки. И не возьму в толк: почему на нем написано «новинка»? Пыталась получить разъяснение у тех, кто представил изделие на оптовый торг, и вскоре прояснилось, что если это и новинка, то заводского ранга. Самое большое — в масштабе отрасли. Но нельзя же с такого невысокого, к тому же ведомственного шестка оценивать новизну того или иного товара?

А где же новая техника, та, что на уровне современных запросов? Вовсе не возражаю против косы и рыхлителя, но с ними должны бы соседствовать, а то и опережать их мотоблоки, инструмент с электроприводом, пневматические устройства. Простейшим инструментом все не решишь. И для малого поля инвентарь должен быть на уровне, который определяется НТР. Это обстоятельство открывает перспективы перед теми промышленными предприятиями, которые учтут ситуацию, проявят сноровку и предприимчивость, приложат умение, чтобы дать разные поделки, и собственно инструмент, и удобрения в удобной расфасовке, и термотеплицы, печки-водогрейки, просто печи, лопаты, косы, серпы, грабли... Ныне же среди изделий мало таких, что помечены сегодняшним, а тем более завтрашним днем.

Обработку почвы проще и разумнее вести с помощью мотоблока, который особенно полезен, если располагает шлейфом навесных орудий. Показывали мотоблоки и на этой оптовой ярмарке, даже в работе их демонстрировали, благо смотр проходил на стадионе; есть здесь и газоны, которым в те дни от плуга и бороны досталось. Но почему нет иных механических, электрифицированных орудий для сельского подворья, для садоводческого хозяйства?

Пока же покупателю предлагают, да и то не в полном ассортименте, традиционные товары, да и они подчас далеко не совершенны. Тем приятнее было видеть добротные и ловкие, отличного дизайна, продуманные эргономически изделия эстонского производственного объединения «Васар» — мотыга, грабли-рыхлитель, лопата, газонокосилка, специальный комплект для работы на грядках. Есть даже приспособление для сбора фруктов — оно каждое яблочко помогает снять с дерева аккуратно, не повредив. Эстонские товары с маркой «Васара» отмечены продуманностью конструкции, заботой о тех, кому с ними работать. Внимательно, придирчиво сравниваю васаровский товар с такими же изделиями, выпущенными в некоторых городах Российской Федерации, Закавказья, Молдавии. Названия одинаковые, назначение то же, но вот качество-то разнится.

Некоторые заводы даже для ярмарочных образцов не потрудились поискать подходящие материалы да и об отделке не позаботились. Беру молоток — ручка неудобная, коряво, наспех обструганная. Небольшие грабли для сбора опавших листьев неряшливы, с заусеницами. Всем им «Васар» дает сто очков вперед. Значит, сейчас оптовики ринутся туда, все закупят и передадут в магазины своих регионов, к вящему удовольствию садоводов? Но что-то не видела васаровский товар в хозмагах Украины, Киргизии, российского Зауралья. Отчего так? Неужели не пользуется спросом то, что отлично сделано эстонскими мастерами? Ведь продукцию «Васара» покупает и заграница.

— Отбоя от заказов нет? — спросила на стенде «Васара».

— Не идет товар. Сокращаем программу,— отвечает представитель объединения.

Стала выяснять-расспрашивать, многие отмалчивались, но наконец уяснила, что еще до начала ярмарки кое-кто применил нерекламируемые пружины давления на оптовиков: закупайте товар, сделанный своими предприятиями. Ныне каждая область, почувствовав конъюнктуру, налаживает у себя производство огородного инвентаря, подчас примитивного, наспех сработанного, но зато местного! И идет в ход этакий негласный запрет-установочка — покупайте у своих... Иначе, дескать, сделанное своими некуда будет девать. Не на склад же работать. Внешне это выглядит как забота об экономике, о бережливости:

— Не везти же грабли через всю страну. И у нас их выпускают.

А почему бы не сделать так: лучшие образцы инвентаря завозить во все области — пусть не вагонами, а десятками, ну, сотнями. Эффект таких вкраплений вижу в том, что появляется возможность сравнения, возникает и соревновательный момент. Вещи того же «Васара» могли бы стать своеобразным эталоном; по ним сверялось бы качество других подобных изделий. Если они лучше — честь и хвала, поаплодируем. А если хуже? Тогда пусть тянутся до уровня, тем более что он не за горами, а рядом, в соседней республике.

...А на ярмарке предлагают еще один насос, точнее — колодец из труб. Он позволяет поднимать воду с 16-метровой глубины. Нужен! Но когда объявится в магазинах? Рядом сборно-разборная и арочная теплицы, бытовой солнечный водонагреватель — его предлагает Калининский экскаваторный завод. Московский завод «Компрессор» показал термооткрыватель теплицы. Прибор способен поддерживать в оранжерее нужную температуру. Если тепла сверх меры, он сам приоткроет фрамугу, похолодало — захлопнет ее. В прошлом году должна была появиться тысяча таких приборов. Я позвонила в пять крупных магазинов — там о них и не слыхали. План этого года — десять тысяч изделий... Но купят ли их, если даже продавцы не знают, не ведают о таких полезных приспособлениях?..

Может, вы заметили, что в перечислении мне никак не удается выявить товар-фаворит. Изделия того же «Васара»? Терморегулируемый парник-теплица? Водонагреватель на солнечной энергии? Рациональные бытовые насосы? Установки биологической очистки воды? Измельчитель бытовых и растительных отходов? Может, и они, может. Но почему не озаботились организаторы ярмарки тем, чтобы определить и выделить товар самый перспективный? Следовало бы сделать это.

Но было бы неправильно говорить только о том, что промышленность предлагает садоводу и огороднику. Оказалось, они сами создали немало интересных конструкций. Садовод Ю. Поройков из отслужившего полотера сделал хорошую газонокосилку. Он же смастерил легкую и надежную садовую лестницу-стремянку. Да и других самоделок немало. Их привезли на выставку «Инвентарь и оборудование для коллективного сада». Удивило, огорчило, что не встретила здесь представителей промышленных предприятий и торговли. А им впору бы присмотреться к тем или иным самоделкам, может, что и на конвейер поставить...

В прямой связи со всем этим — вопрос о создании сети магазинов для садоводов-огородников. Ведь миллион ежегодных участков — это и миллион потенциальных покупателей. Едва ли нужны торговые предприятия в обычном понимании. Они представляются мне как магазины-клубы — с консультационными пунктами, с демонстрацией инструмента; магазины, имеющие прямые выходы на промышленность, выбирающие поставщика (вот когда продукция «Васара» будет нарасхват), заказывающие ему то или иное.

Сейчас есть магазины «Природа», но скуден там ассортимент, неквалифицированно, робко торгуют. Невелик даже выбор химикатов, очень мало хорошего инструмента. Зато на стенах и на прилавке — сувениры, «полотна» из чеканки, нечто из соломки... План товарооборота выполняется, и тем создается видимость: дескать, все нормально. А поставить бы благополучие магазина в прямую зависимость от продажи нужного товара (того же инструмента), выразительная получилась бы картина. Переориентировка промышленности, более гибкая организация торговли (почему бы, скажем, не устраивать выездную торговлю в местах, где созданы большие кооперативы садоводов-любителей) помогли бы куда более эффективно решать проблемы. Делать это придется, потому что изделия для огородников и садоводов — товар социально перспективный, нужный обществу.

Алексей ГОЛИКОВ,
Виктор ОВСЯННИКОВ

Парашютисты-испытатели Герои Советского Союза Е. Андреев (слева) и В. Романюк.

Фото М. Золотарского

ОДИН В БЕСКРАЙНЕМ НЕБЕ

У парашютиста - испытателя Героя Советского Союза Евгения Николаевича Андреева хранится толстая тетрадь в клеенчатом переплете.

— Нет, не дневник,— говорит он,— просто записи о памятных прыжках и некоторые мысли по этому поводу.

Записи начинаются строкой: «Какое счастье — допустили к прыжкам!»

— Наша профессия порой связана с риском для жизни,— пояснил Евгений Николаевич,— с вероятностью травм, с болевыми ощущениями, и тем не менее я не знаю ни одного испытателя, который бы по своей воле перестал прыгать. Получив травму, каждый спрашивает у врача: буду ли снова прыгать? Это я знаю по себе.

...Произошло все неожиданно. И задание-то было несложное: испытать новый противоперегрузочный костюм. Помню, пришел на аэродром в отличном расположении духа. Погода стояла ясная, по-весеннему теплая. С полей доносился запах свежевспаханной земли и горького дымка сжигаемой ботвы. А вечером мы с друзьями собирались поехать на охоту. В общем, все было прекрасно.

Надел костюм, парашют и занял место в штурманской кабине бомбардировщика. Быстро набрали нужную высоту. Впереди показалась зеленеющая весенней травкой площадка, на которую следовало приземлиться. Команда «пошел!». Катапультируюсь. Тут кресло почему-то самопроизвольно отделяется и, уходя, ударяет меня по правому бедру. Обожгла острая боль. Начался штопор. И, представьте, вижу, что моя правая нога лежит на встречном потоке воздуха, под прямым углом к туловищу. Подумал: это перелом. И еще подумал: вот тебе и поохотился.

В таких случаях соображаешь быстро. Прекратил штопор, открыл парашют. Смотрю, сломанная нога безжизненно висит за круговой лямкой подвесной системы. За штанину летного комбинезона подтащил ее и положил на вытянутую вперед левую ногу. Открыл запасной парашют. Перед самой землей подтянулся на руках и приземлился на спину. К счастью, ветра не было.

Состоялся представительный консилиум, врачи сказали, что кость не срастется и нужна срочная ампутация. Ногу мне спас лечащий врач Алексей Васильевич Смирнов. Всю жизнь вспоминаю его добрым словом. В госпитале пробыл долго. Операции следовали одна за другой. Многие месяцы лежал неподвижно на спине с подвешенной на блоке ногой...

Андреев рассказал, как долгими бессонными ночами острая тоска сжимала сердце, как при свете синей лампочки ночника вспоминал прыжки, которые выполнил и которые мог бы еще выполнить, если бы не перелом. Думал, неужели больше никогда не будет он мчаться в свободном падении, а потом, уже на земле, переживать огромное удовлетворение и ни с чем не сравнимую радость творчества.

Из госпиталя он вышел на костылях. Кость срослась хорошо, но нога стала короче на четыре сантиметра. Не теряя времени, приступил к тренировкам.

— Даже сейчас страшно вспомнить,— говорит испытатель,— как я каждый день приходил в гимнастический зал и, преодолевая нестерпимую боль, занимался на турнике, на брусьях, лазил по канату. Шел на тренировки, как на Голгофу, но шел... Через два месяца бросил костыли, стал ходить с палочкой. Долечивался в санатории на юге. Много плавал в море, подолгу гулял, карабкаясь по крутым каменистым тропам. Старался не хромать.

Через полтора года я предстал перед авторитетной летно-медицинской комиссией. Возглавлял ее пожилой профессор, генерал медицинской службы. Врачи изучили мои рентгеновские снимки, выписки из истории болезни и единогласно сказали: «Нет! После такой травмы к прыжкам допустить нельзя».

— Вы слышали суждения специалистов? — спросил генерал, строго глядя из-под седых бровей.— Что на это скажете?

В ответ я высоко подпрыгнул, сделал заднее сальто, затем акробатический кувырок через голову, дважды прошелся колесом и замер перед генералом по стойке «смирно».

— Ваши аргументы убедительны,— засмеялся генерал и обратился к врачам: — Ну что ж, коллеги, давайте в виде исключения допустим Андреева к работе парашютиста-испытателя.

Через несколько дней я после длительного перерыва выполнил первый тренировочный прыжок. Опускаясь под куполом парашюта, чувствовал себя так, словно после долгой разлуки вернулся в отчий дом, который мог потерять навсегда.

...В записях Андреева есть странный подзаголовок «Акулий кошмар».

— Что это за испытания были? — спросили мы.

— Это не об испытаниях, скорее об их психологической стороне. А испытывал я тогда средства спасения летчиков на воде: надувную резиновую лодку, рыболовные снасти, рацию... Работали в Заполярье. Баренцево море неприветливо, температура воды плюс один градус, а погода ветреная, переменчивая: то выглянет бледное солнышко, то тучи сыпанут снегом.

Эти испытания как-то с самого начала не заладились. В нашей работе так иногда бывает. В спасательном снаряжении я то и дело обнаруживал дефекты, их приходилось устранять и испытывать снова. А то и погода задерживала. Короче говоря, наша командировка непредвиденно затянулась почти на два месяца. Нервничали конструкторы, инженеры. Я тоже издергался, тосковал по семье, спал плохо, стал раздражителен. Наконец, к общему удовольствию, остался последний полет: испытание высотного морского костюма.

Накануне зашел поужинать в буфет. Ко мне за столик подсел седоусый отставной моряк с орденскими планками на груди.

— Опасная у вас профессия,— сказал он.

— Другой не ищу,— ответил я.

— Ну, на сушу прыгать еще так-сяк! А вот в море... Я в этих широтах воевал. Плавал на сторожевом корабле «Гром». Как-то сопровождали мы конвой, и прямо над нами завязался воздушный бой. Нашего летчика сбили. Он опустился в море на парашюте, так его на наших глазах акула схарчила.

Я слушал моряка с большим интересом, а когда ложился спать, вдруг вспомнил об акулах, которые «схарчили» летчика.

И, представьте, от этой мысли я никак не мог отделаться — с ней и заснул. Спал плохо, во сне видел какие-то кошмары. Проснулся совершенно разбитый и опять вспомнил об акулах. Но медицинский осмотр я прошел: пульс, кровяное давление, температура — все было в норме. Прыжок разрешили, и мысли об акулах сразу вылетели у меня из головы. Высотный костюм значительно усложнял выполнение прыжка на воду. Гермошлем, парашют с носимым аварийным запасом, надувная лодка и кислородный прибор, различные разъемы и герметические перчатки требовали четких и точных действий.

...Взлетел и увидел опостылевшую за два месяца картину: черные скалы, припудренные снегом, белая полоса прибоя, а дальше суровое, холодное море. В расчетной точке покинул самолет. Задание: минута свободного падения, затем три минуты спуска на парашюте. Вижу невдалеке наш поисковый корабль. Около него быстроходный катер. Все выполняю точно. В надувной лодке пробуду час, а с нее меня снимет спасательный вертолет.

При снижении вижу, что ветер сильный несет меня быстро. Выпускаю лодку, готовлюсь к приводнению. Холодное море встречает неласково: сразу накрывает высокой волной. Я погасил парашют; смотрю, лодки рядом нет. Когда подняло на гребень волны, увидел, что ветер быстро уносит от меня лодку. Тут чувствую, что ледяная вода постепенно затекает в костюм, и он быстро теряет плавучесть. Оказалось, что в момент приводнения, когда парашют тянул меня по воде, лодку накрыло волной. Шнур, крепящий ее, вырвал кусок материи из моей гермооболочки. Все это выяснилось потом. А тогда я с трудом освободился от подвесной системы и надул спасательный воротник. Над водой оказалась только голова в гермошлеме.

И тут я вспомнил, что здесь акулы «схарчили» летчика. Мгновенно поджал ноги. Я уже больше ни о чем другом не мог думать. Вспомнил, что у акулы три ряда острых, как бритва, зубов, что, нападая на жертву, она переворачивается на спину, вспомнил итальянский фильм, в котором аквалангиста акулы разрывают на куски... Один в бескрайнем небе, встречаясь со смертельной опасностью, я никогда не терял хладнокровия, ясности мысли, способности действовать мгновенно. А тут от сознания своей полной беззащитности, своей беспомощности мной овладело сковывающее чувство страха... Время тянулось бесконечно долго.

Наконец вертолет прилетел и завис надо мною. По трапу в костюме, полном воды, я не в силах был подняться. Мне опустили трос. И вот я над волнами. Акулы не страшны. Но эти испытания преследовал какой-то рок... Трос заело, и меня снова опустили в морскую купель на целых пятнадцать минут. И опять начался акулий кошмар. Когда меня, наконец, подняли в вертолет, я словно весь обмяк после такого нервного напряжения.

Эти испытания запомнил надолго, хоть и вспоминал потом с улыбкой: страхи-то были преувеличены, просто нервишки разгулялись.

— А какой прыжок вам более всего запомнился?

— Было такое испытание. Тогда начальник нашей группы парашютистов-испытателей Герой Советского Союза Василий Григорьевич Романюк вызвал меня и Петра Ивановича Долгова. Сказал, что надо испытать новое высотное снаряжение в условиях стратосферы, что командование это испытание предлагает провести нам, что прыгать придется почти из космоса. И это не было преувеличением. Предстояло оставить стратостат «Волга» на высоте почти тридцати километров. Петр Иванович сразу откроет парашют и будет спускаться на землю почти сорок минут, а мне предстояло, не открывая парашюта, падать пять минут.

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ: ПОИСКИ, НАХОДКИ

ПИСЬМО М. Т. ЕЛИЗАРОВА

В конце мая 1912 года жандармы перехватили письмо, посланное из Сызрани в Саратов по адресу: Угодниковская, 26.

Замечу, что почти всю корреспонденцию по этому адресу просматривала охранка. Здесь жили, как говорится в одном из ее документов, сестры «известного социал-демократа Ульянова (Ленина)».

Письмо из Сызрани было перехвачено вскоре после ареста Анны Ильиничны и Марии Ильиничны. Вот его текст:

«Милая Аня! Сегодня приехал утром в Сызрань, и при мне пришла телеграмма о твоем возвращении. Это было очень приятно прочесть, о чем я и телеграфировал. Теперь я опять уеду и вернусь в воскресенье, а в понедельник рассчитываю выехать в Астрахань, если Пташкины не изменят моего плана. Очень буду рад, если ты в Саратове присоединишься ко мне хоть до Царицына. Можно будет с мамой остаться на это время Наде, которая все равно должна будет дождаться документов своих из гимназии, если только выдержит экзамены благополучно, в чем едва ли можно сомневаться. Я тебе дам телеграмму, когда решу окончательно ехать, а если, по каким-либо соображениям, туда ехать не придется, то хорошо бы с тобой повидаться хоть здесь. В Самаре есть одна ликвидация, м(ожет) б(ыть), меня направят туда. Тогда там придется засесть надолго. Пиши (только поскорей) о твоих планах. Как-то ты себя чувствуешь, моя дорогая? Как твое здоровье? Не слишком ли тяжело уж это было для тебя? В Самаре мы виделись с Пташкиным и говорили обо всем. Ты можешь повидаться с ним и сказать ему о вредности для меня саратовского климата.— Все это мы объясняем «предвыборной чисткой». Это для него самая удобная позиция, и он согласился мне давать поручения только вне Саратова. Был очень любезен. Скажи ему, что я пишу с какой-то станции Инза. Он мне должен давать все распоряжения через Сызрань. Но моего настоящего адреса не должен знать. Так лучше. А то у нас на службе есть подозри(тельные), экз(емпляры). О чем спрашивали Ле-в? Как здоровье мамы? Я боюсь, чтобы для нее даже и радостное потрясение твоего возвращения не было бы слишком тяжелым. Что известно о Мане? Здесь теперь только маменька. Витя держит экзамен за 6 кл. реального училища и Костя за 1-й кл. гимназии. А остальные все в разъезде — брат в Казани. Иван и остальные все ребята с Надей и ее ребятами в Бестужевке. Разъездами я не утомился. Боялся только за твое здоровье. Ничего не писал никуда, так как решил, что никакой пользы от этого не будет. Писал Ив. Ник. и Б-рам, но ответа нет. Нет ли в Саратове? Затем, прощай. Будь здорова. Очень хочется поскорее повидаться. Отдыхай и так ли, сяк ли увидимся. Привет маме и Наде.

Твой М.»

Кто человек, скрывшийся под псевдонимом «твой М»? Агенты охранки выяснили: это известный большевик, муж Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров. За ним давно велась слежка. Филеры пытались уследить за каждым его шагом.

В письме есть фраза: «не слишком ли тяжело уж ЭТО было для тебя?». Здесь Марк Тимофеевич имеет в виду арест Анны Ильиничны и Марии Ильиничны.

В ночь с 7 на 8 мая 1912 года жандармы ворвались в квартиру Ульяновых, произвели обыск и арестовали сестер Ленина. Анну Ильиничну за недостаточностью улик освободили. Но пережить ей, конечно, пришлось немало.

Автор письма волнуется за судьбу Марии Ильиничны: «Что известно о Мане?» Это имя в письме жандармский офицер подчеркнул красным карандашом. Охранка дозналась, что Мария Ильинична была руководителем Саратовской нелегальной большевистской организации. Ее еще долго томили в застенке, потом сослали на Север, в Вологду.

В письме упоминается «мама» и «маменька». Мама — это мать Ленина, теща Марка Тимофеевича Мария Александровна Ульянова. Маменька — мать Марка Тимофеевича.

«Остальные все ребята с Надей» — имеется в виду Надежда Павловна Елизарова, по мужу Кузьмина, со своими детьми — Володей, Павлом, Борисом и Шурой.

В письме еще названа Надя, которая училась тогда в Саратовской гимназии. Это Надежда Илларионовна Голубятникова, племянница Марка Тимофеевича. Ей посчастливилось долгое время жить в семье Ульяновых. Бестужевка — родное село Елизаровых. Пташкин — возможно, сослуживец или клиент М. Т. Елизарова, который работал тогда страховым агентом. Но почему в начале письма говорится о Пташкиных? Кто они? Это надо выяснить. Некоторые имена пока расшифровать не удалось. Особо хочется выделить фразу в письме, где автор, Марк Тимофеевич Елизаров, пишет о «вредности» для него «саратовского климата». Здесь речь, конечно же, не о природных условиях. Много лет спустя, вспоминая об аресте в Саратове в ночь с 7 на 8 мая 1912 года, Анна Ильинична писала: «Был дан приказ об аресте,— независимо от результатов обыска, всех нас троих, живших тогда вместе: сестры, меня и мужа моего Марка Тимофеевича... Уже жизнь вместе была достаточна для ареста... Кроме того, имел, конечно, значение и факт постоянных сношений всех нас с Владимиром Ильичом» [1].

Марка Тимофеевича тогда не арестовали: он был в командировке. Узнав о случившемся, он «продлил» себе командировку. Это письмо Марка Тимофеевича Анне Ильиничне до последнего времени не было известно. Я разыскал копию его, сделанную жандармами в Саратове, в госархиве. Что касается подлинника, то он еще не найден.

Ю. ПЕСИКОВ

[1] «Пролетарская революция». 1930 г. № 4.

Василий Григорьевич Романюк был выдающимся парашютистом-испытателем. Он многое сделал для создания надежных средств спасения летчиков, для развития отечественного парашютизма и, в частности, затяжных прыжков. Вскоре после войны он выполнил удивительный по тем временам прыжок: оставил самолет на высоте более тринадцати тысяч метров и падал, не раскрывая парашюта, 12 141 метр. И это без высотного костюма, без гермошлема... Его мировой рекорд оставался долгое время непревзойденным.

Командированный на испытательную работу, я попал в группу Романюка. Он стал моим первым наставником и многому меня научил. Под его руководством я совершил 1500 прыжков, многие с больших высот, но, конечно, не с такой умопомрачительной высоты.

Я был рад, что предстоит прыгать в паре с Петей Долговым, что он будет старшим. Нас связывала многолетняя, крепкая дружба. В самые трудные часы в госпитале он часто меня навещал, укреплял во мне веру, что поправлюсь и снова стану испытателем.

Готовились мы к небывалому прыжку тщательно. Научились управлять стратостатом — сооружением более ста метров в высоту.

Ранним безоблачным утром дается старт. Стратостат уходит в небо. Моя кабина отделена от командирской кабины Долгова прозрачной герметической перегородкой. Я вижу его спокойное, сосредоточенное лицо.

На высоте 25 458 метров подъем прекратился. Я первым должен оставить гондолу. Слышу команду: «Приготовиться к прыжку». Приступаю к разгерметизации кабины. Постепенно высотный костюм сжимает меня со всех сторон. Долгов разрешает мне разгерметизироваться полностью. В прощальном приветствии прикладываю руку к гермошлему и выстреливаюсь в пустоту.

Привычной упругости воздуха не ощущаю. Чтобы меньше замерзало остекление гермошлема, переворачиваюсь на спину. Вижу совершенно черное небо с яркими, словно ставшими ближе звездами. Мной овладело какое-то чувство нереальности происходящего. Скорость падения огромна — около девятисот километров в час. Мчась, словно метеор, в почти безвоздушном пространстве, я как бы заглядывал в неизведанное, был первооткрывателем. Ведь никто в мире не выполнял свободного падения с такой высоты.

Когда достиг двенадцати тысяч метров, объятия высотного костюма стали ослабевать. Я повернулся лицом вниз и падал устойчиво, без напряжения. Вижу невдалеке серебристую ниточку Волги. На мне поверх снаряжения надет морской спасательный жилет, тем не менее ухожу подальше от реки и нацеливаюсь на широкое поле.

После длительного падения снижение под куполом парашюта почти незаметно. Приземлился хорошо — устоял на ногах. Погасил парашют. Разостлал купол на жухлой осенней траве, чтобы легче было заметить меня с воздуха, лег в его центре, с удовольствием ощущал под собой землю, такую надежную, родную. И первая мысль: а как Долгов? Всматриваюсь в безбрежное небо и вижу в вышине два парашюта. Кажется, все в порядке. Да и как могло быть иначе! Мой друг — опытнейший парашютист-испытатель. Он не раз проверял сложные катапультные системы, покидал самолет на сверхзвуковой скорости, он участник многих рекордных прыжков с больших высот, затяжных и с немедленным открытием парашюта. Да и подготовка к этому сверхвысотному испытанию была безукоризненна.

Успокоившись за друга, я целиком отдался чувству глубокой радости от выполненного нелегкого задания. Думал, что мы с Петром Ивановичем сделали еще один шаг в неизведанное... Но мой друг в эти мгновения был уже мертв. Летчик, который подлетел к спускающемуся на парашютах Долгову, тревожно сообщил Романюку: испытатель висит в подвесной системе безжизненно — нужен врач.

Санитарная машина помчалась к месту приземления, но врач был уже не нужен. В его гермошлеме, у виска, оказалось маленькое, с булавочную головку, отверстие. Покидая стратостат, он обо что-то ударился и погиб почти мгновенно. Парашюты открылись автоматически.

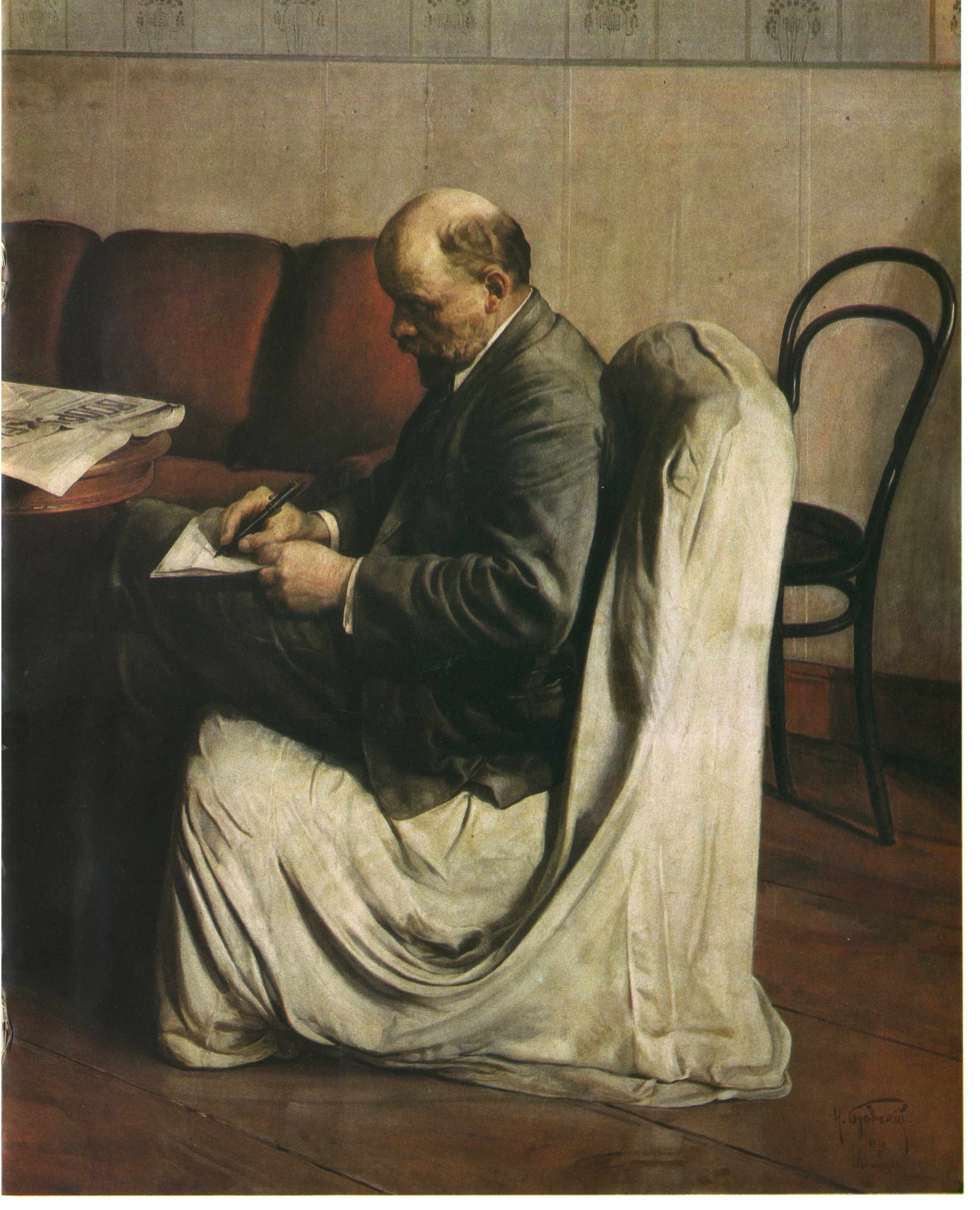
Парашютисты-испытатели ведут сражение за прогресс авиации, за безопасность полетов, и в этом сражении бывают и необратимые потери — человеческие жизни. **И все же, если человек стал парашютистом-испытателем, то стал им навсегда.**

А. Герасимов. 1881—1963. В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ. 1930.

Центральный музей В. И. Ленина.

И. Бродский. 1883—1939. В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ. 1930.

Центральный музей В. И. Ленина.

В. Серов. 1910—1968. ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА. 1950.

Центральный музей В. И. Ленина.

Инициатива советской общественности, предложившей учредить Советский фонд культуры, одобренная Политбюро ЦК КПСС, вызвала широкий интерес. Корреспондент «Огонька» обратился к академику Д. С. Лихачеву с просьбой поделиться мыслями о деятельности новой организации.

ВО БЛАГО КУЛЬТУРЫ

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик

— Думая о будущей деятельности Советского фонда культуры, мне хочется остановиться на таком важном ее аспекте, как взаимоотношение с коллекционерами, собирателями культурно-исторических ценностей. Многие замечательные произведения искусства находятся сейчас в частных руках, коллекционеры делают очень важное и нужное дело: они, случается, спасают, бережно сохраняют то, что могло пропасть, исчезнуть из-за равнодушия, невнимания или в силу каких-то иных причин. Только что в Ленинграде, в Манеже, прошла выставка живописи из частных коллекций. Она имела грандиозный успех. Специалисты и любители искусства увидели целый ряд истинных шедевров. Я могу напомнить о недавней выставке в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина собрания русской и западной живописи доктора искусствоведения И. С. Зильберштейна и о целом ряде других замечательных коллекций, каждая из которых достойна экспонирования, научного описания и т. д. Но, как ни парадоксально, очень часто коллекционеры сталкиваются с необъяснимыми на первый взгляд трудностями, когда решают передать свои собрания государству. Естественно, что человек, отдавший не одно десятилетие жизни и напряженного труда розыску, приобретению, систематизации произведений искусства и намеревающийся передать их народу, вправе рассчитывать на то, что его собрание не будет разрознено. И как много поистине уникальных коллекций распалось, распылилось, ушло в небытие из-за чиновничьего невнимания к их создателям, в конечном счете как много ценностей потерял из-за этого народ, наша культура. От коллекционера требуются поистине титанические усилия, чтобы убедить государственные учреждения хранить их собрания в нерушимом единстве, как именную коллекцию.

Вот, например, в Ленинграде живет моряк Я. Б. Рабинович. Он собрал уникальную библиотеку по морскому делу. Его собрание всесоюзно известно. Яков Борисович решил передать свою библиотеку в Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и несколько лет добивался, чтобы его дар был принят и не разрознен. Можно сказать, что этому собирателю повезло. Его труд получил логическое завершение. И больше всего от этого выиграли мы, люди, которым он передал свое детище.

Но вот второй пример. В течение десяти лет добивался московский инженер Н. П. Ильин, чтобы его замечательное собрание художественных произведений, автографов, мемориальных вещей, книг, связанных с жизнью и творчеством великого русского поэта А. А. Блока, было помещено в неразрозненном виде в Государственный литературный музей в Москве. И он имел на это право. Его собрание было известно во всем мире. Практически ни один серьезный литературовед, писавший о Блоке и русской литературе рубежа веков, не прошел мимо собрания Ильина, хранившегося в его небольшой квартире в Новогирееве, не счесть и простых любителей литературы, поэзии, которых принимал он у себя. Но даже министр культуры РСФСР не смог решить судьбу этого собрания, как того хотел владелец, точнее, его автор, именно автор необычного произведения — коллекции блоковских материалов. В результате собрание Ильина попало в Ленинград и растворилось среди экспонатов Мемориальной квартиры-музея А. А. Блока. Не такой представлял коллекционер итог своей работы, на которую потратил несколько десятилетий. Его коллекция имела право остаться неделимой.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать, что может реально сделать Советский фонд культуры. Он должен учитывать все значительные коллекции произведений искусства и, если владелец, создатель этих коллекций, пожелает с ними расстаться, всецело способствовать их передаче государству. Конечно, далеко не все собрания достойны того, чтобы на их основе был открыт музей, такой, например, как музей В. Тропинина и художников его времени в Москве, созданный на основе собрания Ф. Е. Вишневского. Но если эксперты фонда культуры — а у него должны быть прекрасные, компетентные эксперты — сочтут, что собрание того или другого человека достойно стать музейным, то Советский фонд культуры должен делать все, чтобы коллекция сохранилась неделимо и под именем ее владельца экспонировалась в отдельном зале, специальном здании и т. д. А значит, Советский фонд культуры должен иметь потенциальную возможность предоставлять экспозиционную площадь. И это непростой вопрос. Я уже писал в «Огоньке», что предлагаю превратить пешеходный Арбат в Москве в улицу Культуры. Повторяю этот призыв. По-моему, следует тщательно продумать использование освобождающихся зданий на Арбате, передать многие из них создающемуся фонду для размещения постоянных музеев и выставочных залов. Здесь можно будет устраивать выставки коллекций, находящихся в чьей-то собственности, а также экспозиции переданных государству произведений. Здесь могут быть представлены коллекции живописи и книг, автографов и графики, мебели и произведений древнерусского искусства, старинных фотографий и плакатов. Важно, чтобы коллекционер знал, что он может показать результат своего собирательства людям. Представляете, какой отклик и интерес вызовут подобные экспозиции!

Идея эта, кстати, в мире не нова. Я как-то видел в Национальной галерее в Шотландии, в Эдинбурге зал, в котором размещена коллекция каких-то местных князей. Она принадлежит им, но выставлена для всеобщего обозрения в музее. Почему бы не перенять подобный опыт и на том же Арбате не устраивать постоянные выставки частных коллекций? Дело это весьма перспективное. Ведь сейчас у нас не музейный бум, а музейный голод. Существующие музеи не справляются с потоком посетителей, а многие сокровища искусства остаются недоступными для обозрения.

Но, и это я хочу подчеркнуть, фонд культуры не должен административно вторгаться в деятельность коллекционеров. Он может помогать, но не должен диктовать. Собиратель должен быть уверен, что Советский фонд культуры основан на истинном принципе добровольности и что он может свободно распоряжаться своим собранием, завещать его, например, детям, родственникам и т. д. Советский фонд культуры призван стимулировать работу собирателей по сбережению культурного наследия, не допуская, повторяю, никакого административного вторжения в их деятельность.

И еще одно, очень важное замечание. Советский фонд культуры должен быть не только аккумулятором, но и источником информации о судьбах произведений искусства, оказавшихся в частных руках, забытых, пропавших в вихре лет и социальных катаклизмов. Для этого с первых дней организации необходим печатный орган — журнал, выходящий 4—6 раз в году. Мне это издание представляется достаточно объемным, но деловым, насыщенным информацией и полезными сведениями, способными последовательно и настойчиво пропагандировать жизненную необходимость бережного отношения к культурному наследию, рассказывать о коллекциях и коллекционерах, информировать широкую общественность обо всех аспектах деятельности Советского фонда культуры. Гласность, абсолютная гласность — вот основа деятельности новой организации, и эту гласность призван обеспечить ее печатный орган. Но следует сразу же предусмотреть и выпуск отдельных изданий, посвященных тем или иным выдающимся произведениям искусства, попавшим в поле зрения Советского фонда культуры. То есть деятельность фонда следует направить на активную пропаганду инициативы тех, кто дорожит отечественной культурой, действенно заботится о ней.

— Должен ли, по вашему мнению, Советский фонд культуры заниматься розыском, учетом, описанием, а по возможности и возвращением отечественных культурных ценностей, оказавшихся за рубежом?

— Да, несомненно, это будет одна из важнейших задач будущей организации. Не секрет, что волею судеб за границей оказались архивы, произведения искусства, библиотеки, мемориальные реликвии, связанные с историей нашего государства, жизнью и деятельностью многих замечательных людей. Надо организовать их розыск, учет, научное описание, способствовать их возвращению на Родину. Но здесь я хочу предупредить, что Советский фонд культуры не должен повторять ошибок некоторых журналистов, превративших поиск произведений искусств, похищенных в нашей стране, в средство самовыражения. Цель этой деятельности представляется более высокой и конструктивной, чем выпуск публицистической книги, романа, телеверсии детективных поисков с невысоким результатом. Меньше шума и больше конкретных дел — вот чего вправе мы ожидать от будущей организации.

Особое внимание следует уделить архивам русских людей, оказавшихся за рубежом, в частности в Западной Европе. Я, например, знаю, что за границей жила семья Бутаковых, они были морские инженеры. И у них сохранялся колоссальный военно-морской архив. Наследников у семьи не было. Куда этот архив девался? Да и кому он нужен вне России? Вот Советский фонд культуры может способствовать возвращению таких архивов на Родину.

Фонду следует внимательно следить за аукционами, где появляются произведения отечественного искусства, вести строгий учет документальных памятников, хранящихся за рубежом, знать пути их миграции, быть посредником для наших ученых, деятелей литературы и искусства, чья работа невозможна без использования тех или иных материалов, оказавшихся вне нашей страны.

Словом, деятельность новой организации видится мне очень активной и очень компетентной. Фонд культуры ни в коем случае не должен превратиться в подобие некоторых наших добровольных обществ, где спокойно проводят время пенсионеры, не справившиеся со своей основной деятельностью. В организацию типа Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где все чрезвычайно зачиновнено, а дело движется равнодушно и неторопливо.

— А как вы думаете, с чего следует начать деятельность Советского фонда культуры?

— Если опустить ряд формальных организационных моментов, то, по-моему, с какой-то значительной акции, которая покажет серьезность его намерений и широту возможностей. Можно было бы, например, приобрести за границей у наследников семьи князей Трубецких перстень, который, вероятно, принадлежал А. С. Пушкину. Мне недавно сообщили, что сохранился чугунный перстень, выкованный из оков декабриста Трубецкого. Было сделано три таких перстня. Один из них был подарен Пушкину. Пушкин подарил его Александре Николаевне Гончаровой. Уезжая навсегда из России, Александра Николаевна увезла перстень в замок Бродзяны, а затем он перешел в собственность профессора Исаченко. От Исаченко он вновь вернулся в семью Трубецких. И сейчас Трубецкие хотят его продать. Так вот, Советский фонд культуры мог бы, конечно, после авторитетной проверки, экспертизы, установления достоверности реликвии, приобрести эту реликвию, приобрести перстень Пушкина. Он бы украсил Государственный музей Пушкина в Москве, где не много вещей, принадлежащих поэту. Представляете, какая будет радость, когда на Родину вернется перстень из оков Трубецкого, который носил Пушкин, и как будут горды люди, которые добровольной деятельностью в фонде помогли делу!

Деятельность Советского фонда культуры с первых дней должна быть масштабна и конкретна. Только при таком условии имеет смысл создавать это добровольное общество. И потому надо внимательно и детально обдумать и обсудить устав фонда, его статус. И обсудить не только среди общественности, но и среди специалистов — юристов, финансистов, искусствоведов и т. д. Задумано дело очень важное и серьезное, и подходить к его организации следует не формально, со всей ответственностью.

Интервью вел Д. ЧУКОВСКИЙ.

Гарий НЕМЧЕНКО

ОТ АВТОРА

Все, кто любит цирк, хорошо знают, конечно же, наездников из группы «Али-Бек», знают их наставника, «главного джигита» — Ирбека Кантемирова. Вот уже пятьдесят лет служит Ирбек Алибекович цирковому искусству: отец, Али-Бек Тузарович, основатель знаменитой цирковой династии, впервые вывел его на арену, когда мальчику было восемь.

Однажды мне посчастливилось познакомиться с конниками из Осетии, я написал о них, и всякий раз потом, когда они снова выступали в Москве, как на свидание с чудом, приходил на представления в цирк.

Но ведь на то они и джигиты — тихой дружбы не признают. Раз за разом неожиданно для меня самого они стали врываться даже на те страницы, где их, казалось бы, вовсе не ждут... Так случилось и теперь, когда работал над повестью, очень далекой от цирковой жизни (будет опубликована в журнале «Наш современник»). Но тут уж ничего не поделаешь: все мы чему-то учимся друг у друга, один другого — часто незаметно, незримо — в жизни поддерживаем.

Вот говорят: лошади понесли. Вы видели когда-либо эту картину?

Однажды поздней осенью я ехал в рейсовом автобусе из Краснодара в Майкоп. День был теплый и удивительно ясный, прямо-таки прозрачный был день. Такие деньки выпадают обычно в конце ноября, когда ветры покончили наконец с листвой и выдули заодно последние запахи сытого лета, когда уже хорошенько потрудились дожди, прополоскали, промыли все вокруг, и щедрое солнце является словно для того, чтобы всем добрым людям показать, насколько тщательно все это проделано... Над ярко-зеленою озимью тогда тонко сквозят вдалеке макушки черных деревьев, а чистое, без единого облачка голубое небо отодвигает горизонт до молочно-белых снегов на вековых кавказских вершинах. В такие дни все вокруг заполняет благостная тихая теплынь — такая тихая, что идущие домой школяры на пальце, продетом в петельку для вешалки, волокут по земле длиннополые свои пиджаки, а сидящие на лавочках распокрытые, с платками на плечах старухи глядят на это явное безобразие не только умиротворенно, но даже как будто с умилением...

Автобус был большой — новенький венгерский «Икарус» — и по широкой, меж озимей, асфальтовой дороге катил торжественно, как раздумавший взлетать авиалайнер, который впервые присмотрелся к земле.

И вдруг он резко затормозил, смолк двигатель. Всех сильно качнуло, все тут же вытянули головы.

Впереди круглился затяжной поворот, на котором дугою замерла цепочка машин, и промежутки, оставленные железом с привычными глазу формами, толчками наполняло исчезав-

Ирбек Кантемиров. Фото А. Бочинина.

Белый конь на асфальте

шее тут же, стремительное живое движение. Чем ближе стояли к автобусу машины, тем короче были меж ними разрывы, мелькание участилось, как пульс, но запоздавшее сознание наконец донесло: навстречу несутся лошади.

Послышались яростные удары копыт и бестолковое, тут же глотаемое натягом громыхание брички, взметнулись за окном задранные — бешеный зрачок под спутанной челкой, пена в белом оскале — головы, в новом броске кожа на спинах у лошадей дернулась, уже на той стороне канавы заплясали мощные крупы, отчаянно наклонилась пустая бричка, и вот уже из-под ног у них брызнула черная земля, две рваные полосы от колес остались на краю поля, а они помчались теперь по зеленям, вынеслись на плоский курган с густым терновником по гребешку и, показалось сперва, завязли, но вот перемесили его, судорожно перемяли, выломились — и покатили дальше.

— Бурка с гнедком,— на вздохе сказала сидевшая позади пожилая женщина.— Не поубились бы!

Ударили по ногам бурки? Не привыкли к упряжке? Слишком близко прошел, смрадом обдал тяжелый рефрижератор? Обидел тут же соскочивший с телеги конюх?.. Или одной из лошадей накануне приснился страшный сон, и она его неожиданно вспомнила?

Но точно так же не хотел ждать перед светофорами, так же не желая вписываться в обычную суету, искал прогала в ней, выламывался с городского асфальта на обочину этот сюжет о лошадях...

Прошлой осенью я возвращался с работы, когда навстречу мне поднялась со скамейки у подъезда одна из обычно сидевших там старушек, сказала с любопытством в глазах:

— А к вам люди приезжали. На лошадях!

Конечно же, я невольно переспросил: «Это как же, мол, так — на лошадях?!»

— Да так! — развела она руками.— Верховые... ну, всадники. Сперва думали, конная милиция, а потом глядим: в черкесках и в шапках этих, что на Кавказе носят...

— А-а! — начал я догадываться.— Спасибо! Жаль, меня не было, эх, жаль!

— Да и они жалели, и мы все,— начала сидевшая на скамейке другая пожилая женщина, но я уже открыл дверь и только выглянул теперь из-за нее: «Спасибо, спасибо!..» С ними только остановись!

Как раз в эти дни я готовился отнести в издательство первую в жизни книжку очерков, и были в ней среди прочих два цирковых: о клоуне Куклачеве, знаменитом теперь «кошатнике», и об осетинских наездниках Кантемировых. О джигитах. Написаны они были довольно давно, кое-что пришлось теперь уточнить, и накануне я говорил по телефону с Ирбеком Кантемировым, расспрашивал его о ребятах: кто уже из цирка ушел? Кто еще выступает?

...Сейчас сразу дозвониться я не смог, Ирбек был в цирке, а когда застал его на следующий день раненько утром, он рассмеялся в трубку:

— Ты что-то путаешь!.. Никуда мы не ездили ни вчера, ни перед этим. Кто теперь по городу ездит? Это раньше! В любую область летом приедешь, и как часок выдался, так с ними — на речку... А теперь города поразрастались — из центра не выбраться, а где речка в центре,— там набережная, бетон... нет-нет!

— Может, Мухтарбек со своими каскадерами куда-либо ехал? — спросил я Ирбека о младшем брате.

И опять:

— Нет-нет. Миша сейчас на Украине, под Киевом, со своими головорезами снимается, только вчера звонил.

— Странно, Юра! — сказал я Ирбеку.— Ничего не понимаю.

— Знаешь, когда мы последний раз по Москве ездили? — слышался мягкий, как его кавказские сапоги, голос Ирбека.— Когда у нас Казик с рукой лежал — тогда!

Ох, эти сюжеты во мне, словно почки на весенней вербе!.. На какой веточке задержался солнечный луч, в какую посильней сок ударил — и та уже первая сбросила иссохшую шелуху, брызнула тонкими остриями листочков... Или все это те долги, которые никак не можешь раздать? Или просится сюда рассказ о любви?

Ведь записки наши уже подходят к концу, а о любви пока — ни слова и ни полслова! А что же это за повесть, что же за роман такой без любви?

Представляю, с какой гордостью приводят к Ирбеку Кантемирову, когда бывает в Осетии, своих маленьких внуков и его ровесники, которым уже под шестьдесят, и мужчины постарше: «Это ли не джигит, Ирбек? Возьми к себе мальчика — не пожалеешь!»

Что им впереди мерещится? Громкая, как у Ирбека, как у них у всех, у Кантемировых, слава? Уважение земляков? Поездки по дальним странам?

Ой, как сперва до всего этого далеко!

А сначала будут двойки в тех школах по областным городам, где цирковые дети давно уже у всех в печенках,— но что ему двойка, если вчера он на свои трудовые весь класс водил в кафе есть мороженое и назло ей, зануде-математичке, туда же повезет его и сегодня?.. Что ему подзатыльник молодого служителя, если он все-таки успел через решетку подержать старого тигра за усы?.. Что ж, что ребята постарше, земляки, закрыли его за шалости в уборной, где можно развалиться на сложенных в углу бурках, если перед этим не раз и не два он закрывал их в другой уборной, где не то что лечь — присесть, извините, можно только на корточках?

Не без успеха освоив традиционные цирковые проказы, Казик пошел дальше — ему удалось-таки поймать мышь. Он выпустил ее на манеж, когда во время репетиции шесть кошек держались у клоуна Куклачева на руках и на плечах, а седьмая возвышалась на голове. Эта седьмая, оттолкнувшись, хватила клоуна когтями по лбу, и тот бросился за Казиком куда проворней, чем все его хваленые кошки — за бедной мышкой... Но потом они с Казиком горячо подружились.

Когда Казик упал с лошади и сломал руку, его отвезли в Первую Градскую — не так далеко от нового цирка, где они тогда выступали.

— Че случилось-то? — спросил его сосед по палате, вот уже год проживший в больнице и не то что другим — уже и сам себе давно надоевший «самолетчик», парень с рукою в лубке, закрепленном на уровне плеча.

Казик честно ответил, что упал с коня.

— У бабки в деревне?

— В цирке! — не без гордости сказал Казик.

— И че ты там шарился? — спросил насмешливо «самолетчик».

Казик гордо ответил:

— Выступал!

— Ты?! — не поверил тот.— В цирке?.. Выступал? Ой!

Самому ему прострелил плечо пьяный дружок, и «самолетчик» был теперь глубоко убежден, что нет большей мужской доблести, чем пострадать вот так на охоте. И для начала он послал Казика с его цирком просто куда подальше, а потом начал посылать с поручениями: принести из холодильника кефир, купить в буфете сигарет, отнести сестре градусник... Как настоящий кавказец, Казик старшему подчинялся, но по ночам, ткнувшись в подушку, скрипел зубами и молча глотал слезы. «Опять сахар жрешь?» — кричал «самолетчик». Достоинство Казика страдало. Что ж, что он, может быть, еще хорошенько и не знал такого слова — мальчики зато остро чувствуют то, что за ним стоит. Это мы, которые всякому слову можем найти объяснение и все по полочкам разложить, от этого самого достоинства, бывает, пытаемся избавиться, как от ненужной вещи: обременяет... лишает легкости в движениях, расторопности, поворотливости... Мешает! И где-нибудь не в таком плохом месте, в каком-либо светлом и просторном, со множеством телефонов кабинете, глядишь, и оставили, и забыли его. Вроде случайно.

Когда Казика пришел проведать Куклачев, сосед на того почти не взглянул, зато, когда клоун попрощался и на вопрос, что это за мужик был, мальчик ответил, что это друг его приходил, клоун, «самолетчик» равнодушно зевнул:

— Это с такой-то харей?

...Как-то Юра Куклачев мне рассказывал: ехал он однажды в такси на «Мосфильм», уже здорово опаздывал и попросил водителя поднажать. Тот не вытерпел и спросил: «А чего ты туда спешишь?» «На пробу! — сказал Куклачев.— Сниматься!» И таксист точно так тогда и сказал: «Это с такой-то харей?!»

Может, тот таксист и был теперь соседом Казика.

А может, был «самолетчик» просто из тех людей, которые ни за что не улыбнутся прохожему, но зато, когда придут в цирк и в кресле поудобнее усядутся, тут уж ржут до упаду и от артистов только того и требуют: уж на мои-то кровные рупь пятьдесят смешного мне отвесь полной мерой, не жмись! Отдай — не греши, уплачено!

Казик его возненавидел.

Когда в палате появился Ирбек, мальчишка сорвался: если, кричал, его отсюда не заберут, он или выпрыгнет в окно, или стукнет «самолетчика» табуреткой по башке — почему тот не верит, что Казик — настоящий джигит?.. Почему издевается?

— Потому что у тебя глаза на мокром месте — может, ты барышня? — сказал Ирбек. И больше ничего не сказал.

Но в десятом часу вечера, когда они уже отработали номер, вместе с четырьмя молодыми всадниками Ирбек выехал из циркового дворика; все они были в бурках, в папахах, все — с хлыстом в руке, все — с ружьями за спиной, с саблями на боку.

Они повернули направо и обогнули цирковую площадь.

Из «стакана» на проспекте Вернадского тут же раздался звук милицейского свистка, сверху спустился по лесенке молодой капитан и бросился им наперерез, но Ирбеку этого и было надо. Он легко соскочил с коня и наставил на подбегавшего «гаишника» палец:

— У тебя мальчик или девочка, капитан?

— Сын! — с гордостью сказал милиционер и невольно расправил плечи и приложил к фуражке руку, на которой висела полосатая его палка.

— Ты водил его в цирк?

— А как же! — еще больше подобрел капитан. И тут же что-то припомнил.— Ты — Али-Бек?

— Али-Бек был мой отец. Так, как звали его, называется теперь вся наша группа,— поправил Кантемиров.— Я Ирбек. Ирбек Али-Бекович, если хочешь!

Капитан протянул руку, на которой висела палка:

— А я Григорий Петрович... Эх, знать бы — сына захватил на дежурство!

— Лучше ты еще раз приводи его в цирк,— сказал Ирбек.— Вместе походим с ним за кулисами... Пока мы тут — хоть каждый день приводи. Контрамарка всегда за мной — скажешь на проходной, чтоб позвали... А пока — может, проводил бы ты нас до Первой Градской? Мы хотим проведать нашего мальчика.

Капитан бросил взгляд на «стакан», в котором сидел и смотрел на них совсем молодой сержант, и сделал ему знак: оставайся, мол, за меня!

Потом он завел свой желтый «Жигуль» с синей полосой на боку, выехал на середину дороги, включил мигалку и покатил впереди, а они на рысях поскакали за ним по осевой...

На пятачке асфальта перед больницей Ирбек пустил своего Семестра, своего умницу Сему, по кругу и остальные тоже начали кружить вслед за ним — сначала потихоньку, а потом все быстрей и быстрей... Когда кони попривыкли к новому месту, Ирбек негромко крикнул, и всадники бросили стремена, ногами в мягких своих сапогах стали на седле, в полный рост, выпрямились, и в правой руке у каждого блеснул клинок.

Отстукивали дробь в ночной тишине подковы, хрустели под копытами камешки, взрывались синими искрами. Тяжело развевались черные бурки. «И-эх! — негромко вскрикивали лихие всадники.— Й-и-ех!..» И под единственным фонарем молнией высверкивали и тут же гасли очерченные клинками круги.

Когда четверо из них стали по углам, а Ирбек в середине квадрата соскочил с коня, и его серый, в яблоках, его ф а р ф о р о в ы й, как определял один знаток лошадей, в м у ш к а х, Сема выставил переднюю ногу и вытянул над ней шею — мордою до самой земли, таким образом низко кланяясь,— когда они стали так и все подняли наконец головы, посмот-

рели на окна, то все окна на всех этажах сплошь были залеплены лицами с расплющенными носами: столько зрителей собралось.

Тут же носы отлипли, и почти разом появились ладошки и раскрытые пятерни: было похоже, что все вдруг принялись протирать стекла.

Они подождали, пока откроется окно на четвертом этаже. Казик был в докторском белом колпаке и в теплом халате, который набросила на него стоявшая позади и перехватившая его рукою поперек груди пожилая сестра.

— Эгей! — закричал Казик.— Я скоро отсюда выйду!

И еще что-то закричал по-осетински.

Ирбек вскочил в стремена, натянул повод, и Сема стал привставать на задних ногах и приподнимать передние — делал «свечу».

К Ирбеку подъехали остальные и стали по двое по бокам. Они горячили коней, тут же их сдерживали и потряхивали ружьями в вытянутых руках.

— Поправляйся, Казбек! — закричал Кантемиров.— Нам трудно без тебя... ждем!

И они стали разворачиваться на месте, и Ирбек первым пришпорил своего Сему.

— Действительно, без него трудно! — сказал он капитану Григорию Петровичу, когда выехали на улицу и стали поправлять лошадям подпруги.— Мать каждый день звонит: когда он вернется наконец из поездки в другой город?.. Один дед знает, а ей я решил не говорить. Она одна, работает. А отца нет.

— Понятное дело,— сказал капитан Григорий Петрович. И вздохнул.

— А джигит должен расти джигитом, разве не так?

И добрый капитан Григорий Петрович подтвердил:

— Только и только так!

Потом он завел свой желтый «Жигуль» с синей полосой на боку, снова включил мигалку, и снова они поскакали за ним по осевой полосе...

Назавтра Казик шел по больничному коридору в сопровождении всех, какие только лечились в отделении, «самолетчиков». Пользуясь летными терминами, можно сказать, что он вел три или четыре звена, или, если хотите, целую эскадрилью «самолетчиков». Все они расспрашивали его о джигитах, но Казик, как и подобает настоящему горцу, был немногословен, а то и вообще помалкивал.

После завтрака к нему подошла сероглазая, с длинными пшеничными волосами девочка в больничном халатике и спросила, можно ли с ним поговорить. Они отошли в сторонку и стали у окна во двор.

— Я слышала, как врачи говорили: если не случится чуда, то я умру,— печально сказала девочка.— А вот вчера было чудо, но я его не видела, мне давали снотворное... Значит, я и точно умру!

— Какая чепуха!— рассмеялся Казик.— Тебе сколько лет?

— Двенадцать,— ответила девочка.

— А мне тринадцать,— сказал Казик.— Ты подумай: если нам с тобой столько лет, почему же мы должны умереть?..

— Я не говорю: мы,— поправила девочка.— Я говорю: я.

— А ты почему должна?.. Кто тебе сказал? Ха!

— Сказали врачи. Если не случится чуда...

— Ты подожди немножко!— попросил Казик.— Только я выпишусь, и тут же будет тебе такое чудо! Подождешь?

И девочка пообещала подождать.

Казик теперь не скрипел зубами, спал хорошо, и каждую ночь ему снилось почти одно и то же: бьют цирковые барабаны, манеж заливает яркий свет, и он выезжает на своем вороном коне на середину манежа, а перед ним, свесив ноги на одну сторону, сидит девочка в белом платье и белом, как у невест-осетинок, чепчике с жемчужными струйками по бокам... Барабаны смолкают, и в наступившей тишине слышится грозный голос:

— Это еще что за номер?!

— Это моя жена Марина, Ирбек!— смело отвечает Казик.— Я ее спас от смерти!

— Ты поступил как настоящий мужчина!— добреет знакомый голос.— Теперь ты настоящий джигит!

И грозный Ирбек Кантемиров соскакивает со своего жеребца, идет к ним и с холки у вороного снимает девочку в белом платье и в белом чепце со струйками жемчуга по бокам, а потом подает руку Казику... Снова бьют барабаны, поздравить их бросается клоун Куклачев, дядя Юра, но тут же неловко падает, встает и снова идет к ним, нарочно прихрамывая, еще издали тянет правую руку, а левою смешно потирает ушибленный бок...

По утрам его будил «самолетчик». Когда Казик открывал наконец глаза, тот пикировал на его тапочки и пододвигал их поближе к койке:

— Сколько можно дрыхнуть?.. Люди сказали, ждут тебя, а ты опять пропускаешь завтрак!

Но Казик не шел в столовую. Он набивал карманы орехами, которые прислал ему дедушка, и сразу бежал на третий этаж, в палату, где лежала Марина.

Когда Казика выписали, девочка поцеловала его и сказала, что помнить она его будет всегда, но они больше не увидятся.

И Казик спешил.

После первого же представления, днем, когда они уже перестали вываживать коней, он незаметно потащил своего вороного в сторонку, на цыпочках прошел мимо гардеробной Ирбека. На выходе вахтерша спросила, куда это он собрался, но Казик уже знал, что ей ответить: на улице его ждет фотограф. Перед этим он снимал в цирке конников, но Казика тогда не было, болел, и фотограф теперь снимет его отдельно.

Вахтерша махнула рукой, и через дверь служебного входа он вывел вороного на улицу.

— Куда это он?— спросил вахтершу случайно заметивший это клоун, который подошел к ней с кошкой в руках.

Вахтерша объяснила ему, и клоун, поглаживая свою кошку, постоял в задумчивости, потоптался на одном месте, потоптался и быстро пошел к себе в уборную.

Сперва он хотел было переодеться и снять грим, но потом понял, что времени на это у него нет, и только махнул рукой своему отражению в зеркале.

— Тоже, что ли, фотографироваться?— спросила его вахтерша.

Он снова только махнул рукой.

Такси он поймал не сразу, да и ехали они потом медленно, потому что на этот раз молодой водитель давился от смеха, дважды нарушил правила, и талон у него остался целым лишь потому, что всякий раз начинали улыбаться и подходившие к ним «гаишники».

Когда Куклачев приехал наконец к Первой Градской, Казик в бурке стоял на седле и, приставив ко рту ладошки рупором, громко кричал:

— Марина!.. Марина, эй!

Потом он закричал:

— Марина, где ты? Смотри и не умирай!

Потом он закричал:

— Разбудите Марину, пусть выглянет!

Открылось окошко на четвертом этаже, в нем появился «самолетчик».

— Чего орешь, Казбек?— крикнул негромко.— Ее уже увезли!

— Куда?— задрал голову Казик.

— Куда-куда!— сердитым голосом негромко закричал «самолетчик».— Сам лежал, знаешь... Куда их увозят? В морг...

Куклачев снял Казика с седла, хотел поставить на землю, но ноги у мальчишки подкашивались, он весь дрожал, и клоун прижал его к себе, прикрыл пятерней голову — папаха упала. Мальчика трясло, и вороной влажными губами потыкался ему в ухо, понюхал вихры, которые выбивались из-под растопыренных пальцев клоуна, задрал морду и громко, обиженно заржал...

Так и шли они обратно втроем: одною рукой клоун вел под уздцы коня, а другою поддерживал мальчика в длинной, почти до пят бурке — мальчика тринадцати лет.

Все, кто видел их, еще издали начинали улыбаться и переставали потом, когда подходили к ним совсем близко.

И многие, пройдя мимо, останавливались и провожали их погрустневшими глазами: так провожают обычно траурную процессию...

Или вы хотели — о другой любви?

О какой?

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. М. МАРКОВА

ЗЕМЛ... С...

Феликс
МЕДВЕДЕВ

— Ч то, это ваша первая вещь? — спросил Бабель у Георгия Маркова.

— Да,— смущенно ответил молодой человек, приглашенный в гости известным писателем,— куда ни придешь, все говорят: «Ну что же вы сразу с романа? Начинали бы с рассказа!»

Бабель рассмеялся и сказал, что это идет от непонимания того, что рассказ — это одно выражение таланта, а роман — другое выражение таланта. А потом добавил:

— А знаете, как Алексей Максимович Горький радовался появлению нового романа! Как никто!

Когда А. С. Макаренко увидел Георгия Маркова, он воскликнул: «Вы удивили меня! По рукописи я считал вас человеком моего поколения, а вы значительно моложе». Начинающему литератору, приехавшему из Томска в Москву, шел тогда двадцать шестой год.

В литературе он сразу же начал с «длинной дистанции», с жанра романа. После того как напечатали первые главы «Строговых» еще неизвестного сибирского автора, все сразу увидели, что масштаб отображаемого, замысел автора были именно «романны», обширны, многоплановы. И лишь те, кто знал редактора молодежной газеты «Большевистская смена», понимали, что за плечами молодого партийца богатый душевный опыт, доскональное знание сибирского села, упорство в постижении задуманного.

«И вот в один из дней я вдруг почувствовал, что мне очень хочется писать,— вспоминал позднее Г. Марков.— Однажды отец послал меня со стана в деревню. Я подходил к ней ранним утром. Стоял март. Вокруг широкие заснеженные просторы. Лес оголился, так как шапки снега, лежащие на сучьях, подтаяли и рухнули на землю. Небо высокое, ясное, охваченное солнечным светом. Подхожу к своей деревне. Слышу: колодцы скрипят, петухи горланят, доносится стукоток из овинов — хлеб молотят. И у меня такое рождается чувство, будто праздник вокруг, я начинаю что-то бормотать вполголоса, а потом пою громко и увлеченно. Так и вхожу в избу, не замечая ничего. Мать встретила и говорит: «Наверно, добычу хорошую принес, что-то больно весел».

Это ощущение полноты жизни, весь этот мир, полный света и солнца, вызвали во мне желание рассказать обо всем, что я чувствую, другим».

я чудес —
ибирь

Как-то отец сказал сыну: «А знаешь ли ты, что Сибирь—это земля чудес». В тот год Георгию Маркову исполнилось одиннадцать лет, и старшие взяли его «белковать», охотиться на белку. С той поры, кочуя по охотничьим становищам и рыболовецким землянкам, он многое узнал о чудесах родной земли. Вобрав в себя это многое как человек и художник, он стал писателем, самозабвенно и нежно воспевшим родные края. Георгий Марков — горячий патриот сибирской стороны. Изначальный адрес его романов и повестей — Сибирь, даже еще конкретнее — томские просторы, томская земля.

Романы Г. Маркова «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь» и другие произведения отмечены строгой правдой реалистического отображения мира, они подкупают глубиной и искренностью размышлений о судьбах отчизны, о величии человека.

Критика отмечала, что проза писателя лишена сентиментально-романтического флера, какой бы то ни было идеализации старой деревни. Как художник-реалист, он показывает сложность процесса классовой борьбы на селе. В его романах Сибирь изображается не как темная социально-пассивная страна, где главное — благоденствие крепкого хозяина. Нет, в его книгах в полном объеме отображены героические революционные сдвиги, что были присущи этому отдаленному от столиц краю.

«Во второй половине прошлого века купец Федот Кузьмин основал в глухом таежном месте пасеку.

В ближнем поселке Волчьи Норы он нанял пасечником молодого батрака Захара Строгова. Нанял за пять колодок пчел да три рубля серебром в год.

Захар Строгов переселился на пасеку вместе с женой Агафьей.

Через несколько лет купец умер...

...Ранним утром ясного сентябрьского дня Матвей и дед Фишка отправились на охоту. Каждый год в эту пору они уходили с пасеки в глубь тайги, в кедрачи, к берегам речки Юксы. Уходили надолго, месяца на два, на три. Зимой на нартах они завозили к своему стану муку, сухари, соль. С собой несли только ружейные припасы, белье, верхнюю одежду...

К вечеру второго дня вышли на стан.

...Из глубины тайги донеслось эхо выстрела. Собаки вскочили с теплых, насиженных мест. Улыбки исчезли с лиц охотников. Они переглянулись с тревогой в глазах».

Первые страницы романа. Тревожно разворачивается многоплановое повествование о семье Строговых. Оно сразу же увлекает читателя. Завораживает каким-то предчувствием серьезного художественного замысла, крепкой, интригующей завязкой. Дед Фишка и Матвей Строгов находят в тайге человека, покончившего счеты с жизнью выстрелом из ружья. Случившееся наводит их на тягостные раздумья. Что делать: похоронить несчастного, предать его тело земле? Или отвезти труп в ближайшее селение? А что подумают люди, что скажут власти? Не заподозрят ли их в убийстве? Но вот за пазухой у охотника они находят крупицы золота.

С этих-то крупиц и зачинается обширное произведение Г. Маркова о судьбе человека в дореволюционной России, выросшее позднее в мощную эпопею о трех поколениях одной семьи.

Как часто мы говорим о важности для литератора богатого опыта жизни. Такой проблемы для Г. Маркова не существовало. Материал был всегда «под рукой». Все вокруг дышало поэзией познания, притягивало, манило. Даже названия рек, поселков звучали, как стихи: Юкса, Чулым, Чичка-Юла, Обь, Васюган.

Свое детство и юность писатель как бы прожил дважды. Близких и дорогих ему героев, таких, как дед Фишка, Матвей, Анна в «Строговых» или Максим Строгов и Ульяна в «Соли земли», Роман Бастрыков в «Отце и сыне», он наделил чертами тех, кого знал и любил в жизни. Конечно, личный жизненный опыт питал прозу Георгия Маркова. Но не только он, ибо его романы — это и социально-политические повествования о целой эпохе в судьбе народа, об эпохе предреволюционных и революционных лет, о годах коренных переломов в жизни общества. И здесь писатель проявил себя как художник-исследователь.

В романе «Строговы», например, показаны революционные настроения крестьянства на материале борьбы за охотничьи и промысловые угодья. Чтобы представить себе общую картину этой борьбы, писатель изучил массу статистических материалов, сборников, ученых записок, перелопатил гору волостных архивов. А как много дали так называемые рыночные дневники Красноярска, Томска, Иркутска, в которых фиксировался любопытнейший материал о крестьянской экономике. А история царской тюрьмы и ссылки? За этими понятиями таилась бездна горестных и в то же время счастливых судеб, ибо многие борцы за свободу России «прошли через Сибирь».

Не все было гладко в литературной судьбе томского прозаика. Некоторые историки ставили ему в упрек то, что он преувеличил революционность крестьянства Сибири, где, как утверждали они, не было помещичьего землевладения, и потому, дескать, классовая борьба не приняла широких размеров. Как мог писатель опровергнуть это утверждение? Сослаться на отца, который читал запрещенные книжки? Ему бы ответили, что случай, мол, нетипичный.

И, продолжая верить в свою правоту, Георгий Мокеевич узнает, что в 1905—1906 годах в селах Нижне-Удинского уезда Иркутской губернии существовали тайные вооруженные дружины крестьян, организованные рабочими-большевиками. Списки дружин обнаружили в архивах. Оказалось, что частный опыт литератора, опиравшийся на опыт его родной деревни, был типичным.

Всегда любопытно, как рождается крупная художественная вещь. Где ее начало, откуда исток, что дало толчок к появлению книги? Сегодняшний читатель любопытен, ему зачастую важны не только итог, развязка, но и предыстория, изначальный факт.

Решающими в зарождении романа «Сибирь», например, явились следующие события. Однажды в Томск в краеведческий музей приехал из Москвы работник Геологического фонда. Оказалось, что в бумагах фонда обнаружены письменные заявки отца писателя, связанные с месторождениями полезных ископаемых и датированные 1907 и 1910 годами. Но вряд ли отец, задумался Георгий Мокеевич, мог один, без помощи других обнаружить и зафиксировать месторождение. Кто же помогал ему? Кто надоумил послать эти заявки в столицу? И он узнает, что именно в 1907 году в район, где жила тогда семья Марковых, были сосланы группы рабочих и технологов-студентов из Петербурга. А проводником геологических экспедиций был Мокей Фролович Марков. И писатель приходит к выводу: к раскрытию сибирских богатств прямое отношение могли иметь ссыльные революционеры.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью». Мысль Ломоносова звучит в романе весомо, мощно. Ученый-демократ Венедикт Петрович Лихачев произносит пророческие слова: «Мечусь и терзаюсь в раздумьях и, как ни прикидываю, вижу одну лишь силу, способную взять на себя эту титаническую работу,— партию эсдеков-большевиков».

Произведения известного прозаика, рассказывается ли в них о Сибири дореволюционной или Сибири нынешних дней,— это правдивые гуманистические раздумья о ее будущем, о ее «грядущем веке». Именно так — «Грядущему веку»—называется новая большая работа Г. Маркова, частями публиковавшаяся в печати в течение последних пяти лет. Произведение, где главный герой — партийный работник, первый секретарь Синегорского обкома партии Антон Соболев, звучит сегодня весьма злободневно.

Писателем замыслен незаурядный герой, человек больших действий. Именно такие, как он, думают не сегодняшним днем, а думают о будущем, о «веке грядущем».

...— В чем особенность писательской работы? В том, что мы с вами, по существу, кустари-одиночки... Писательская работа — это было вечно и всегда будет вечно— работа в одиночку: берешь лист белой бумаги, карандашик и начинаешь...

Издательство «Молодая гвардия». Двенадцатый этаж. Комната 1201. На двери табличка: «Проза. Семинар № 1». Среди руководителей одного из всесоюзных семинаров молодых литераторов первый секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Ленинской премии Георгий Мокеевич Марков. Люди, приехавшие со всех концов страны, внимательно слушают каждое слово известного мастера. Важно запомнить, записать самое главное. Поэтому внимательно слежу за магнитофоном — не подвел бы...

— Да еще одно условие,— продолжает Георгий Мокеевич,— чтобы никто на тебя не смотрел бы в эту минуту, даже самый близкий человек в этот момент становится ненужным, мешает, задевает. Но когда вы взяли лист чистой бумаги, взяли записную книжку, тут уж вы выходите на общественную арену, вас ждет миллионный читатель. Более того, вы в данный момент главком, главнокомандующий, потому что вы вывели сюда, на этот стол, героев, людей, события и вы их должны расставить, вовремя увести, вовремя выдвинуть авангард, отозвать арьергард. Значит, вы — главнокомандующий. И вместе с тем вы — солдат. Никто не понесет ваш ранец и никто за вас не понесет ваш шанцевый инструмент, когда нужно будет вгрызаться в землю, окапываться, преодолевать препятствия... И когда писатель сел за стол, начинается великий риск...

Все, что говорил тогда Георгий Мокеевич,— это не нравоучение, не морализаторство, скорее, это слово о нелегкой писательской работе, это слово о жизни своей, о том, что пережито им самим, узнано трудом и интересом к бытию людскому.

Георгий Мокеевич вспоминает, как, приехав давным-давно в Москву с рукописью своего первенца — романа «Строговы», передал его в литературную консультацию. Не прошло и нескольких дней, как автора срочно приглашают зайти. «Чуть ли не с милицией разыскиваем вас по всей Москве,— с укоризной сказали ему.— Сам Павленко считает, что книгу вашу надо немедленно печатать».

Как редко, к сожалению, звучат такие слова в кабинетах наших журналов и издательств. А если и звучат, то как долог порой путь к читателю талантливой повести, рассказа, романа о нашем времени. Такой вещи, которая стала бы событием, с которой не страшно войти в литературу.

Именно об этом говорил с трибуны XXVII съезда КПСС Г. М. Марков: «Скажу откровенно, нас беспокоит... что в последние годы возросло количество таких произведений, в которых вместо образа человека, отличающегося определенностью жизненной позиции, богатством духовного мира, сложной диалектикой характера, к читателю приходит лишь отдаленное подобие нашего современника, хотя и с приметами своего времени... Авторы таких сочинений... пользуясь нетребовательностью издателей и писателей, выводят свои несовершенные книги на обозрение в большой свет... Нередко на встречах с читателями нас спрашивают: «Ну, ладно, вот вы живете, пишете, а что останется от вас потомкам?»... Несомненно, останется самое лучшее из того, что волновало наших современников, что помогало им бороться за мир и коммунизм, что содействовало им на пути в будущее... Очень хочется, товарищи, чтобы как можно больше произведений нашего времени дошло до грядущего».

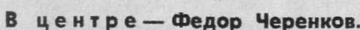
МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

IV. ДОБРОЕ ИМЯ ФУТБОЛА

Решительно не согласен с теми, кто полагает: раз чемпион не из «большой шестерки», то это означает, что наш футбол «докатился». Выдвижение команд, прежде державшихся скромно, даже робко — лишь бы уцелеть,—напоминает мне извержение вулкана, когда наружу, как лава, вырываются потаенные, до поры до времени дремавшие силы. Организация сильных команд стала делом доступным, ее механизм, ее условия познаны. И надо только радоваться, что тесный кружок «избранных» разомкнут, что, как принято говорить, география большого футбола расширяется.

А тенденцию к такому расширению я наблюдал на протяжении всей своей жизни. Сначала Москва и Петроград. Потом к ним присоединились Харьков, Киев, Одесса. Потом Тифлис. В этот хоровод включались все новые и новые центры. Меня нисколько не удивляет, когда «Спартак» проигрывает в Минске (не так давно нас за такое поражение подняли бы на смех), а киевское «Динамо» — в Вильнюсе и Алма-Ате. В страхе перед именем никто теперь очков не отдает.

Продолжение см. «Огонек» №№ 14, 15, 16.

Эту прогрессивную тенденцию, мне кажется, не все еще осмыслили и признали. И проявляется это особенно наглядно именно при комплектовании команд. (Как видите, от темы я не ушел.) В пору моей юности говорили о судебном процессе — «громкий». А сейчас, кажется, нет ничего громче, чем иные дела о переходе футболиста из одной команды в другую.

Внешнее приличие соблюдается, президиум федерации утверждает переходы, которые предварительно рассматривает спортивно-техническая комиссия (СТК). Надзор словно бы существует, в помощь придана и инструкция. Правда, она часто претерпевает изменения, бывало, что несколько раз в год, так что и не уследишь. Да и в ходе сезона, после утверждения на высшем уровне составов команд, вдруг с изумлением обнаруживаешь в той или другой команде игрока, которого там прежде не было, и про себя решаешь, что, вероятно, прозвучал «звонок», после которого состоялась дозаявка. Уж по крайней мере оповещали бы нас в газетной хронике с указанием мотивов. Как бы то ни было, высшие футбольные инстанции стараются, как могут, за порядком следить.

Меня тревожит и задевает другое. Переходы игроков происходили, насколько я помню, всегда. Было время, когда они носили добропорядочный характер, все необходимые переговоры шли в открытую, превыше всего ценилось согласие. В конце концов меняют же место работы по серьезным, уважительным причинам люди любых профессий?! Почему у футболиста не могут сложиться обстоятельства, требующие перехода в другую команду? Жизнь есть жизнь, футбол ее частица, даже нет смысла перечислять возможные ситуации.

Теперь же появились «селекция» (не люблю это слово применительно к футболу) и специальные тренеры-селекционеры.

Втихомолку, за спиной руководителей команд, втайне от общественности (а втайне потому, что селекционеры прекрасно знают, что вершат неправедные дела), едва где-то объявится мало-мальски способный парень (иногда по слухам, не убедившись воочию), начинается охота. Посулы нешуточные: квартиры, машины, поступление в институт, поездки за рубеж, продвижение в сборную. Чем же все это оборачивается? Такого сорта селекция хищнически разваливает футбол на периферии, отбивает вкус к работе в специализированных школах. Берут пять юношей, зная, что требуются всего два (как бы другие команды не опередили), сажают на лавочку, годами томят в дублирующем составе и отпускают, когда их способности растаяли в бездействии ожидания и они теряют интерес к своему будущему, вдобавок чувствуя себя обманутыми. Была у парня надежда, что станет фигурой на поле, да испарилась. Футбольную жизнь, которая до обидного коротка, трудно начать заново, ее не переиграешь, и тем бережнее следует относиться к молодым. Но селекционеры и те, кто их «наводит», к судьбам молодых игроков глухи, они запасаются, а что из этого выйдет — не столь уж важно. Никогда не смогу разделить взгляда, ставшего в последние годы распространенным, что футболисты — материал, с которым необязательно церемониться. Уверен, что не один способный игрок пропал втуне из-за такой селекции.

Что кому можно противопоставить? Инструкции, слушания в спортивно-техническом комитете и на президиуме федерации помогают лишь отчасти.

Стало привычным обыкновением — легким и безобидным — наказывать молодых футболистов, польстившихся на посулы. Те же, кто мутит воду, остаются неназванными, в стороне, точь-в-точь

В центре — Федор Черенков.

Атакует Сергей Родионов. **Фото А. Бочинина**

как крыловский кот Васька. Не спорю, молодой человек, сбежавший втихомолку из своей команды, обманувший всех, кого только можно, должен быть призван к ответу. Но ведь ни для кого не секрет, что ему заморочили голову, подучили, пообещали в случае чего выручить, внушили, что как законы, так и требования порядочности можно обойти. И существует целый штат такого сорта дельцов, ведущих, по сути дела, подрывную работу в нашем футболе.

Бывает, игрок просто и честно выразит желание перейти в другую команду. Что за этим следует? Автоматически на него составляется «телега», читая которую диву даешься, как же такого распущенного человека держали в коллективе. И большей частью обвинения подтасованные. Тем не менее срочно принимается решение с требованием о дисквалификации, сквозь которое просвечивает немудреное желание отомстить. Это ли не аморально?

Я думаю, что нам необходимо ввести в правило объективный, тщательный и обязательно гласный разбор наиболее спорных ситуаций, такой разбор, который бы устанавливал истину и всех виновных. Почему бы к таким разборам не привлечь юристов, которые дали бы профессиональную, компетентную оценку происшедшему? Когда-то нам было достаточно судить по спортивной совести. Сейчас для установления порядка в футбольном сообществе мало ориентироваться на инструкции, которые мы же сами пишем, необходимо привлечь и государственную законность. Мне известно, что в западных профессиональных клубах многие стороны деятельности рассматриваются и обусловливаются под контролем юристов.

Слишком на виду наш футбол, слишком внимательно следят за ним миллионы глаз, причем в основном молодежи, чтобы позволительно было принимать решения опрометчивые, расплывчатые, неубедительные, вызывающие иронические улыбки. Футбол не только закаляющая игра, не только увлекательное зрелище, он несет в себе и воспитательный заряд. И не только с поля доходит его влияние на людей, а и из сообщений или из слухов о том, как мы вершим свои дела. Слухов гуляет гораздо больше, чем следует, и это наша слабость: информируем мы любителей футбола чересчур скупо, а то и просто отмалчиваемся. Без правдивой, смелой информации порядка не наведешь.

Однако, сказав все это, я не забываю, что команды должны постоянно пополняться свежими силами. И отдаю себе отчет в том, что из одного Сокольнического района Москвы, где расположены знаменитый стадион «Ширяевка» и крытый манеж, такая команда, как «Спартак», которая призвана бороться за звание чемпиона страны, встречаться с лучшими клубами Европы в официальных турнирах и воспитывать игроков для сборной страны, не может получить всех ей необходимых резервов.

Нам нужны же не просто добросовестно обученные ребята, а с искрой божьей. Кроме того, у «Спартака» существует та особенность, что мы ежегодно провожаем группу молодых на службу в армию.

Значит, комплектование с помощью приглашений игроков остается в нашей практике. Может быть, когда-нибудь, при идеальных условиях, нужда в нем отпадет. Но пока, думаю, на какой-то срок оно останется.

О таком сложном, важном деле лучше думать сообща. Со своей стороны, еще раз подчеркну, что во главу угла должно быть поставлено открытое и честное отношение футболиста.

Думаю, что приемлем был бы обмен. Мне вспоминается такой случай. Была у «Спартака» нужда в центрфорварде. Приглянулся нам совсем тогда молодой Юрий Севидов, находившийся при отце, тренере Александре Александровиче Севидове, в минском «Динамо». Порешили мы с ним тогда так: Юрий идет к нам, а в минское «Динамо» направляется группа игроков из нашего дублирующего состава — Э. Малофеев, Л. Адамов, И. Ремин, Ю. Погальников. Не имеет значения, кто тогда выиграл, кто проиграл,— дела давно минувших дней. Ю. Севидов помог «Спартаку» стать чемпионом в 1962 году, а бывшие спартаковцы, выросшие в хороших мастеров,— минскому «Динамо» стать третьим призером в 1963 году, что тогда для этой команды было огромным успехом.

Мне кажется, что команды высшей лиги должны получить свои регионы, где они имели бы преимущественное право на отбор даровитых игроков. С сожалением вижу, что столичные команды потеряли интерес к футболистам Московской области, а в свое время оттуда вышло немало «звезд» во главе с Григорием Федотовым. Да, мы еще часто не видим того, что близко лежит. Борис Кузнецов год назад был отчислен из ЦСКА за ненадобностью, предложил нам свои услуги и на месте свободного защитника оказался для «Спартака» находкой. Вероятно, следует в большей степени использовать так называемые дочерние команды своих обществ. Есть же у «Спартака», кроме московской, еще 21 команда мастеров.

И тут мне предстоит выйти еще на одно минное поле.

Как-то раз заглянул ко мне домой Всеволод Михайлович Бобров. Посидели мы с ним за чаем, как водится, обсуждая футбольные дела. И в ответ на мои рассуждения о том, чем надо бы помочь футболу, он вдруг со вздохом произнес:

— Наивный вы человек. Все на честный футбол опираетесь, а теперь такое бывает!.. Не хочу рассказывать, вас огорчать...

Ничего к этому он не прибавил, но его вздох мне запомнился.

Слухи издавна роятся вокруг футбола. Жизнь наша проста, но в глазах болельщиков она выглядит то загадочной, то романтической, то приключенческой. Я привык ко всяким россказням и небылицам и с удовольствием их выслушиваю, не удивляясь и не обижаясь, в общем-то люди оказывают нам честь своим вниманием и выдумками, подчас ребячески наивными и трогательными.

Однако слухи слухам рознь. Когда вдруг слышишь на трибунах или в метро разговор о том, что вчерашний матч, закончившийся вничью, был «договорным», становится не по себе. Пусть бы говорили что угодно, только не это. Можно стерпеть, когда рассказывают, что видели одного мастера в подпитии (вероятность такая есть), другой в компании проклинал тренера своей команды, третий каждый год требует сменить квартиру под угрозой перехода в другую команду. Или еще что-либо в том же духе. Семья не без урода, и газетные фельетоны о художествах иных футбольных «звезд» не редкость.

Но слухи о договорных матчах — это тень уже не на отдельных футболистов. В глазах общественности ставится под сомнение сам футбол, его добропорядочность, его доброе имя. Мало того, что это оскорбительно, это еще и крайне опасно для благополучия всего нашего дела.

Слухов о футбольных нравах предостаточно. Правда, я склонен считать их преувеличенными, но они обрастают как снежный ком. И возникают, как отрыжка маниакальной подозрительности некоторых тренеров и спортивных деятелей. Обжегшись на молоке, они дуют на воду, им мерещится то, чего иногда нет и в помине. Мне приходилось слышать, как игроков обвиняли сгоряча, безвинно, и после этого они лучше себя не чувствовали в команде и лучше не играли.

И все же футбол наш не без греха. Да и нужны ли доказательства, когда у нас действует лимит ничьих? Напомню, что ввели его после чемпионата 1977 года («Спартак» тогда находился в пер-

вой лиге), в ходе которого чуть ли не половина матчей закончилась вничью, и не из-за немощи, а из-за старания тренеров без хлопот и испытаний устроить полюбовно свои турнирные дела. В том году миролюбие ловчил достигло своего предела, наш футбол попал в полосу штиля. Не случайно сборная в ту пору не могла пробиться в финальную часть как чемпионата мира, так и чемпионата Европы.

Лимит ничьих я одобряю. Он, по моим наблюдениям, подействовал отрезвляюще, ограничил возможности соглашений. Могут сказать, что очки делятся между командами и по-другому: каждой — по победе на своем поле. Но это труднее, любое поражение—нечто вроде «красной карточки», а ничья — «желтая карточка», она проходит незаметно, без последствий, руководителям команды общественная выволочка не грозит.

Когда же кивают на то, что команды безупречного поведения страдают, перевыполнив лимит, следует не обижаться, а задуматься: почему это происходит? Больше чем уверен, что перевыполнение «плана» по ничьим свидетельствует об игровых несовершенствах команды. В прошлом году и «Спартак» столкнулся с лимитом. Не вижу здесь ни невезения, ни несчастливого стечения обстоятельств, просто нашу атаку соперники научились сводить на нет. Сигнал полезный.

Так что время отменять лимит ничьих, по-моему, еще не наступило.

Лимит лимитом, а для решительной пользы делу, мне думается, послужило бы предметное и строгое расследование одного «договорного» происшествия со всеми вытекающими выводами и последствиями. Не хочу верить, что напасть прочно укоренилась, но сильный щелчок по носу мог бы одних устрашить, а других заставить одуматься.

По моим представлениям, честность — одно из непременнейших требований в любом деле.

У меня в голове не укладывается, как можно руководить командой после того, как однажды перед матчем ей скажешь: «Сегодня отдаем очко». Выбита из-под ног принципиальная платформа, ты вступил в нечестный заговор, и, что бы ни говорил после этого, слова твои пусты.

У нас футболом занимается значительное число коммунистов, подавляющее число игроков — комсомольцы, но, как мне кажется, их не мобилизовали, не организовали для борьбы за чистоту моральной атмосферы в нашей спортивной жизни. Все мы разбросаны по спортивным обществам, по командам, а заодно, сообща не выступаем и не действуем. Не помню, чтобы состоялось «отраслевое» закрытое партсобрание. А поговорить нашлось бы о чем.

Немало огорчает меня, когда вижу, что между командами завязываются напряженные отношения. Иногда создается впечатление, что к матчу готовятся не с желанием переиграть, превзойти противника, а доказать что-то еще, помимо футбола. Постоянное соперничество — дело суровое, от него не уйти. Скажем, «Спартак» на протяжении десятилетий числил своим главным соперником сначала московское «Динамо», позже — киевское «Динамо». Об этом помнили и руководители, и игроки. Такова спортивная жизнь. Но мне всегда казалось, что с конкурентами у нас больше общего, похожего, чем противоположного, разного. Во всем — в распорядке жизни, в игре, в переживаниях. И нас, и их одинаково подстерегают трудные дни. Слушаешь на досуге сетования представителя другой команды, и словно бы он о твоем «Спартаке» ведет речь...

Откуда же недоброжелательность, излишняя напряженность? Могу понять, если тренеры и сама команда страстно желают доказать свою правоту в тактическом истолковании игры, блеснуть техникой, самолюбиво считая себя в этом отношении выше соперника, взять реванш за прошлое поражение. Но если натянутость во взаимоотношениях основывается на том, что тренеры двух команд не подают друг другу руки, на старых счетах, возникших за пределами футбольного поля, если припоминают, что надо отомстить за критическое замечание в печати, то все это омрачает жизнь нашего футбольного сообщества, и без того сложную.

Я сужу об этом вполне уверенно, на моей памяти немало случаев, когда против «Спартака» некоторые команды играли исступленно, неспортивно. Начнешь интересоваться, в чем причина, и наталкиваешься на такие ответы, что впору руками развести: «Ваш тренер нашего не уважает», «Ваши игроки носы задрали, а им не за сборную играть!», «В Лужниках судья в наши ворота липовый пенальти назначил, вот и расплачиваетесь!». И могу ручаться, что не футболисты злопамятны, их подогревают «воспитатели». Недавно начальник одной из иногородних команд попросил выручить автобусом. Я помог. И вдруг услышал: «Незачем было давать им автобус, мы у них очко потеряли». Откуда такое?

Одно время против «Спартака» сверхвоинственно настраивали московское «Торпедо». Даже когда мы впрямую не соперничали за место в таблице, для торпедовцев считалось делом особой чести обыграть нас. В принципе желание похвальное. Но бывало в нем что-то сверх меры. Недаром наш авторитетный знаток истории футбола Константин Есенин подметил, что после выигрыша у «Спартака» торпедовцы, как правило, начинали терпеть неудачи. В 1985 году осенью история повторилась. Вполне допускаю, что был перерасход нервной энергии в матче с нами. А этой энергией надо уметь разумно пользоваться.

Я горой стою за благожелательные, товарищеские отношения между командами. Когда же вижу отклонения, объясняю их невоспитанностью, несостоятельностью руководителей в первую очередь. Мы, люди, которым одинаково дорог футбол, не имеем права опускаться до квартирной свары. Вспоминаю афиши 1918 года с девизом: «Друзья в жизни — противники на поле».

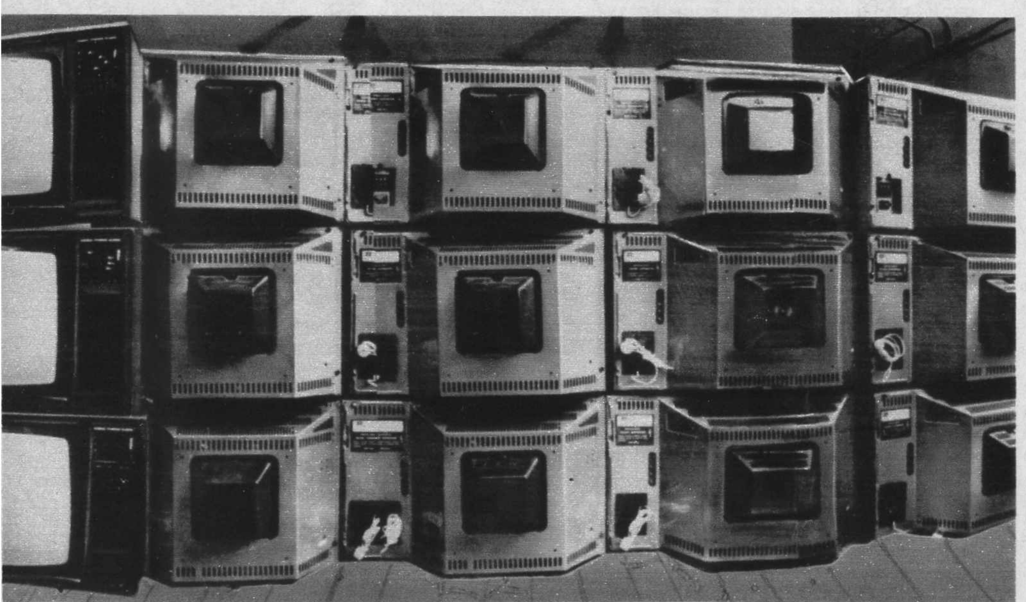
Моральная атмосфера, окружающая футбол, я считаю, во многом зависит от его организационных основ. Между тем, и это считаю не я один, твердого порядка, единого регламента у нас нет.

Продолжение следует.

балл за качество

«ГОРИЗОНТ» ЗА «ГОРИЗОНТОМ»

ФОТОФАКТ

Владельцам этих телевизоров повезло: они избавились от брака. Не без хлопот, не без мытарств, но все же смогли облегченно вздохнуть — вынесен обвинительный приговор, выдана справка службы быта: отремонтировать не смогли, вернуть на завод-изготовитель.

Уменьшается ли число телевизоров, которым предстоит проделать путь из магазина (куда сдают не выдержавшие гарантийные сроки аппараты) до завода, откуда и вышел некачественный приемник! Увы, ответили нам в Министерстве бытового обслуживания населения РСФСР, не уменьшается. По некоторым маркам телевизоров даже «наметилась тенденция к увеличению возвратного брака».

В 1985 году, по сравнению с восемьдесят четвертым, количество черно-белых «Горизонтов», возвращенных покупателями торговле, возросло на 42 процента. По «Кварцу»—почти на треть. По «Изумруду» — на 59 процентов. По «Садко» — более чем на восемьдесят. Но все это цветочки. Ягодки (если «ягодки», то гнилые!) появляются при упоминании телевизора «Крым». Возврат этих аппаратов возрос за год на 850 (восемьсот пятьдесят) процентов.

Печальный рекорд...

За черно-белым «Горизонтом» следует цветной «Горизонт». За ним «Радуга», «Рекорд»...

Каждый из этих телевизоров в среднем не один раз ремонтировался мастерами службы быта. Это значит, что был отложен «на потом» ремонт тех телевизоров, которые сданы не по гарантии. Что, само собой, не способствовало своевременному выполнению заказов.

К. БАРЫКИН

Фото А. Награльяна

Последний раз в снежки этой зимой... ▶

Фото А. НАГРАЛЬЯНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

Подарок Тедди

Зигмунд ХИРЕН

Летом 1928 года в Москву приехала группа немецкой молодежи. Тогдашний редактор журнала «Вожатый», впоследствии видный советский дипломат Валериан Александрович Зорин поручил мне опекать немецких товарищей. Большей частью были это рабочие ребята, а также студенты, учителя. Все без ума от Тедди, так ласково называли они вождя Коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана.

Узнав, что я ни разу не видел и не слышал его, немецкие друзья всполошились, но тут вмешался Фриц, громадный, толстый, в коротких замшевых штанах, по-современному выражаясь, шортах. Был он не старше других, а уже работал докером у себя в Гамбурге, в порту. Этим немало гордился, потому что ведь и Тедди, в его же возрасте, там же, в Гамбурге, начинал докером, потом был юнгой, кочегаром. И вот именно Фриц как земляк Тедди объявил, что берет на себя устроить мне знакомство с ним. Это показалось мне абсолютно нереальным, хотя я и узнал, что Эрнст Тельман приехал в Москву на VI конгресс Коминтерна.

— Допустим,— говорил я,— у него и без меня дел по горло. Шутка ли сказать, председатель Коммунистической партии Германии!

Фриц рассердился: дескать, недооцениваю я его, Фрица, возможности.

Эрнст Тельман с женой Розой. Снимок 1919 года.

Снимок предоставлен журналом «Фрайе Вельт».

А на другой день я увидел и услышал Эрнста Тельмана. И этим полностью обязан Фрицу. Не вдаваясь в подробности, скажу, что мы оба оказались за кулисами Колонного зала Дома союзов. Там были посланцы коммунистических и рабочих партий из многих стран и среди них — автор революционного гимна «Интернационал», старый французский рабочий Пьер Дегейтер. Заседание еще не начиналось, и он, старый человек в очках, худенький, с небольшими, лихо закрученными усиками, сидел один на сцене за узким, длинным столом. Первым, кого мы увидели, направлявшимся к Дегейтеру, был Эрнст Тельман.

— Тедди,— шепнул мне Фриц.

Но я и сам сразу узнал Эрнста Тельмана. Его портреты тогда висели в школах, клубах, на предприятиях, в воинских частях. И всюду советские люди встречали этого человека с энтузиазмом. Все знали о его борьбе за дело рабочего класса у себя на родине, о его любви к первому в мире пролетарскому государству. Он открыто выступал перед ярыми противниками СССР на многотысячных митингах в Германии, во Франции, в Бельгии... Он видел Ленина, слушал его речь на III конгрессе Коминтерна. Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ недавно составил карту, на которой указаны места, которые Тельман посещал в СССР. Летом 1921 года он отправился на Коломенский паровозостроительный завод, где выступил с речью о борьбе коммунистов в Германии. Приезжал в нашу страну осенью 1923 года, незадолго до революционных событий в Гамбурге.

А в ночь с 23 на 24 января 1924 года стоял в почетном карауле у гроба Владимира Ильича.

Упомянув тут о событиях осени 1923 года, нельзя не вспомнить о роли Тельмана в них. «Гамбургское восстание является классическим примером настоящего революционного восстания, выработавшего интереснейшую стратегию уличных боев, оставившего в массах чувство несомненного превосходства над врагом, сознание моральной победы». Это слова известной советской журналистки и писательницы Ларисы Рейснер, которая, узнав о восстании, помчалась в Германию, чтобы встретиться с его руководителем Эрнстом Тельманом.

Каким же он был?

Родился 16 апреля 1886 года в Гамбурге и с детства познал тяжесть изнурительного труда. Семнадцати лет вступил в социал-демократическую партию, а несколькими месяцами позже — в профсоюз транспортных рабочих. К моменту крушения в 1918 году кайзеровского режима Эрнст Тельман возглавил революционное движение в Гамбурге. В октябре 1925 года он был избран председателем Коммунистической партии Германии.

Фриц рассказывал мне, как, будучи еще школьником, Тельман по утрам, собираясь на занятия, выпрашивал дома побольше хлеба и колбасы на завтрак. Родители недоумевали. Секрет вскоре раскрылся: Эрнст знал, что многие его одноклассники не получают на завтрак ничего, и старался подкормить голодных ребят. А когда разгружали уголь в порту, Эрнст помогал пришедшим сюда ребятам из бедных семей. Доброта, стремление помочь нуждающемуся сохранились у него на всю жизнь. В годы Великой Отечественной войны я встречался на фронте с немецкими антифашистами, близкими друзьями Тельмана, и каждый из моих собеседников упоминал именно об этой его черте.

Мне кажется символичным, что я увидел впервые Эрнста Тельмана рядом с автором «Интернационала». Делегаты VI конгресса Коминтерна приветствовали Пьера Дегейтера пением гимна, а сам Дегейтер дирижировал. Я и мои немецкие приятели, стоя за кулисами, тоже пели, а напротив нас, в глубине кулис, пел «Интернационал» Эрнст Тельман, отбивая такт рукой, сжатой в кулак. «Рот фронт», «Рот фронт» — как бы добавлял он к каждой строке пролетарского гимна.

...Сразу же после захвата власти Гитлер бросил Тельмана в тюрьму Моабит. Весь цивилизованный мир поднялся в защиту революционера и антифашиста. Одно за другим следовали послания Максима Горького, Анри Барбюса, Ромена Роллана, Томаса и Генриха Маннов. Писали московские школьницы, воины Интернационального батальона имени Тельмана, сражавшиеся в Испании. Фашисты вначале намеревались устроить судебный процесс, как некогда над Димитровым, но им пришлось отказаться от этой затеи. Одиннадцать с половиной лет Тельмана мучили в застенках, но сломить волю вождя партии коммунистов не удалось. Вилли Бредель, немецкий писатель-коммунист, рассказывал, что в 1943 году в плен нашим войскам сдался ефрейтор, служивший прежде тюремным надзирателем, и тот сообщил, что осенью 1943 года видел Тельмана в тюремной камере. Затем Геббельс объявил, что Тельман погиб в Бухенвальде во время авианалета американских ВВС. Вскоре эта версия была убедительно опровергнута немецкими антифашистами.

Весной 1945-го я видел карту центра Берлина, на которой в левом углу на слове «Моабит» рукой маршала Жукова красным карандашом была начертана фамилия Тельмана. И вот, работая над этим репортажем, я отправился к бывшему начальнику политотдела 3-й ударной армии, а ныне генерал-лейтенанту в отставке Федору Яковлевичу Лисицыну. Генерал подтвердил, что их армия вела ожесточеннейшие бои за овладение тюрьмой Моабит. Когда ее захватили, то Тельмана там не обнаружили. Прямо под огнем фашистской артиллерии состоялся импровизированный митинг, завершившийся тем, что тут же в тюрьме было написано послание-приветствие Эрнсту Тельману. Федор Яковлевич прочитал мне его:

«Дорогой Эрнст Тельман! Пишут Вам воины Н-ского подразделения Красной Армии. Мы пришли в Берлин. Мы, воины Красной Армии, знаем и любим Вас, как вождя немецкого рабочего класса, как стойкого вождя коммунистов, как верного друга Родины Октября — Советского Союза. Мы идем на последний штурм фашистских укреплений. Мы клянемся, что овладеем рейхстагом и водрузим над ним Знамя Победы!»

Спрашиваю генерала, верил ли он в тот момент, что Эрнст Тельман жив.

— Полной уверенности быть не могло, но мы считали так: если товарищ Тельман погиб, то это письмо попадет в руки немецких антифашистов и выразит нашу признательность за их героическую борьбу.

Подробности гибели Эрнста Тельмана стали известны значительно позже. Даже найден документ, где против фамилии Тельмана Гиммлер сделал пометку по указанию Гитлера: «Подвергнуть экзекуции». Это было в августе 1944 года, задолго до того авианалета, которым пытались прикрыть зверское убийство Эрнста Тельмана на пороге крематория в концлагере Бухенвальд.

...На столе передо мной старая фотокарточка. Рядами сидят машинистки и печатают под диктовку. Снимок сделан в Москве, на Моховой улице, в доме, где находился Коминтерн. Снимок очень, повторяю, старый, и различить на нем знакомого человека не так-то просто. Но тот, кто показал мне карточку, сразу обнаружил на ней Эрнста Тельмана. Он сидит у камина, видна его лобастая голова. Он только что диктовал, но вдруг сломалась машинка. Это произошло за день до открытия VI конгресса Коминтерна. Для ремонта машинки вызвали механика. У того, кроме отвертки и маленького пинцета, ничего в руках не было. Тельман внимательно наблюдал за его работой и, когда машинка была исправлена, сказал:

— Коллега, у вас золотые руки!

— Будут золотыми,— ответил ему мастер, показав на свой жалкий инструмент.

Справившись, в какой комнате он работает, Тельман пообещал к нему заглянуть. Свое обещание он выполнил и, сев напротив мастера, достал из кармана записную книжку и записал название всех необходимых инструментов.

Кончив записывать, Тельман спросил у мастера, где он научился разговаривать и печатать по-немецки. Узнав, что в 1919 году тот был в Венгрии и выполнял личные приказы Бела Куна, Тельман обнял его и поцеловал.

— Не волнуйтесь, коллега,— сказал он, прощаясь,— я пришлю вам из Берлина полный комплект инструментов для ремонта пишущих машинок.

Прошло время, и вот однажды мастеру принесли плоский, как нынешние «дипломаты», ящик. Посылка от Тельмана. Там оказался набор инструментов для ремонта пишущих машинок.

Эту историю рассказал мне Оскар Львович Норбер. Сидя у него на кухне и наблюдая, как он ловко достает со стены из раскрытого плоского ящика инструменты, я спросил, откуда они у него, и услышал в ответ:

— Это подарок Тедди!

Весна в Армении. На этюдах. Фото А. НАГРАЛЬЯНА

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. С. ГУМИЛЕВА

Стихи разных

Николай Степанович Гумилев (1886—1921) родился в Кронштадте в семье морского врача. Вскоре его отец вышел в отставку и семья переехала в Царское Село. Стихи и рассказы Гумилев начал писать с восьми лет, а впервые в печати его стихотворение появилось в Тифлисе в газете «Тифлисский листок», где семья поселилась в 1900 году. Через три года Гумилев возвращается в Царское Село и поступает в 7-й класс Николаевской гимназии, директором которой был замечательный поэт и педагог И. Ф. Анненский, оказавший большое влияние на своего ученика. Учился Гумилев, особенно по точным наукам, плохо, он рано осознал себя поэтом и успехи в литературе ставил для себя единственной целью. Окончив гимназию, он уехал в Париж, успев выпустить до этого первый сборник «Путь конквистадоров». Эту книгу юношеских стихов он, видимо, считал неудачной и никогда не переиздавал ее.

В Париже Гумилев слушал лекции в Сорбонне по французской литературе, изучал живопись и издал три номера журнала «Сириус», где печатал свои произведения, а также стихи юной поэтессы Анны Горенко (будущей знаменитой Анны Ахматовой).

В 1908 году в Париже вышла вторая книга Гумилева «Романтические цветы». Требовательный В. Брюсов, сурово оценивший первый сборник поэта, в рецензии на «Романтические цветы» указал на перспективу пути молодого автора: «Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Приехав в Россию, Гумилев сближается с Вяч. Ивановым, под руководством которого была создана так называемая «Академия стиха». Инициатором ее организации стал Гумилев. В журнале «Аполлон» он начинает постоянно печатать свои «Письма о русской поэзии», собранные в 1923 году в вышедший в Петрограде отдельный сборник его критики.

В 1910 году Гумилев женился на А. А. Горенко, а осенью этого года отправился в Абиссинию, совершив трудное и опасное путешествие.

Третья книга Гумилева «Жемчуга» (1910) принесла ему широкую известность. Она была посвящена В. Брюсову, которого автор назвал учителем. Отмечая романтизм стихотворений, включенных в сборник, сам Брюсов писал: «...Явно окреп и его стих. Ученик И. Анненского, Вячеслава Иванова и того поэта, которому посвящены «Жемчуга», Н. Гумилев медленно, но уверенно идет к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно обдуманными и утонченно звучащими стихами».

Разгоревшаяся в 1910 году полемика вокруг символизма выявила глубинный кризис этого литературного направления. Как реакция на символизм возникло созданное Гумилевым и С. Городецким новое литературное течение — акмеизм, предтечей которого стало литературное объединение «Цех поэтов».

Акмеисты, противопоставлявшие себя не только символистам, но и футуристам, организационно оформились вокруг «Цеха поэтов», издавая небольшой журнальчик «Гиперборей».

Первая мировая война сломала привычный ритм жизни. Николай Гумилев добровольцем пошел на фронт. Его храбрость и презрение к смерти были легендарны. Редкие для прапорщика награды — два солдатских «Георгия» — служат лучшим подтверждением его боевых подвигов. Темы войны нашли отражение в сборнике «Колчан».

Октябрьская революция застала Гумилева за границей, куда он был командирован в мае 1917 года. Он жил в Лондоне и Париже, занимался восточной литературой, переводил, работал над драмой «Отравленная туника». В мае 1918 года он вернулся в революционный Петроград. Его захватила тогдашняя напряженная литературная атмосфера. Н. Гумилев вместе с А. Блоком, М. Лозинским, К. Чуковским и другими крупными писателями работает в созданном А. М. Горьким издательстве «Всемирная литература». Он выпускает там стихи А. К. Толстого со своим предисловием, под его редакцией и частично в его переводах выходят произведения С. Колриджа, Р. Саути, «Баллады о Робин Гуде» и другие книги. Он читает лекции в литературных студиях, в Институте истории искусств, много занимается с молодыми поэтами. В 1918 году выходят шестой сборник Н. Гумилева «Костер» и сборник переводов восточной поэзии «Фарфоровый павильон».

Последние прижизненные сборники стихов Н. Гумилева изданы в 1921 году. Это «Шатер» (африканские стихи) и «Огненный столп».

Жизнь Н. С. Гумилева трагически оборвалась в августе 1921 года. Прекрасный художник, он оставил интересное и значительное литературное наследие, оказал несомненное влияние на развитие советской поэзии. Его ученикам и последователям наряду с высоким романтизмом свойственно стремление к точности поэтической формы, так ценимой самим Гумилевым, одним из лучших русских поэтов начала XX века.

Вступительная заметка и составление
Владимира **ЕНИШЕРЛОВА**

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла
твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое
эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам,
звонким струнам,
Вечно должен биться, виться
обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим
буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг
прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном
исступленьи
В горло вцепятся зубами,встанут лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все,
что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный
испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет,
как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь
ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу—ты смеешься, эти взоры—два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри
в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному творцом.

Нос — это древа ствол высокий,
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих Сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого матерь Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем божьим стал.

КАПИТАНЫ

I

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий,—
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,—
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

II

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де-Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Уллис,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена,
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется — в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

Николай ГУМИЛЕВ

Лет

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

III

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Всё проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лет,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

IV

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою,
Окровавленной,— но железною,
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственней
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

Н. С. Гумилев.

Фотография М. Наппельбаума. 1921 год.

ОРЕЛ

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня,
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

ЛЕС

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы,

Из земли за корнем корень выходил,
Словно руки обитателей могил,

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки,

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого стола,

И разбойник не гнездился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах,

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,

Но в короне из литого серебра
И вздыхала, и стонала до утра,

И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем, как дал причастье ей кюре.

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.

Я придумал это, глядя на твои
Косы, кольца огневеющей змеи,

На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

ИСКУССТВО ОСТАЕТСЯ

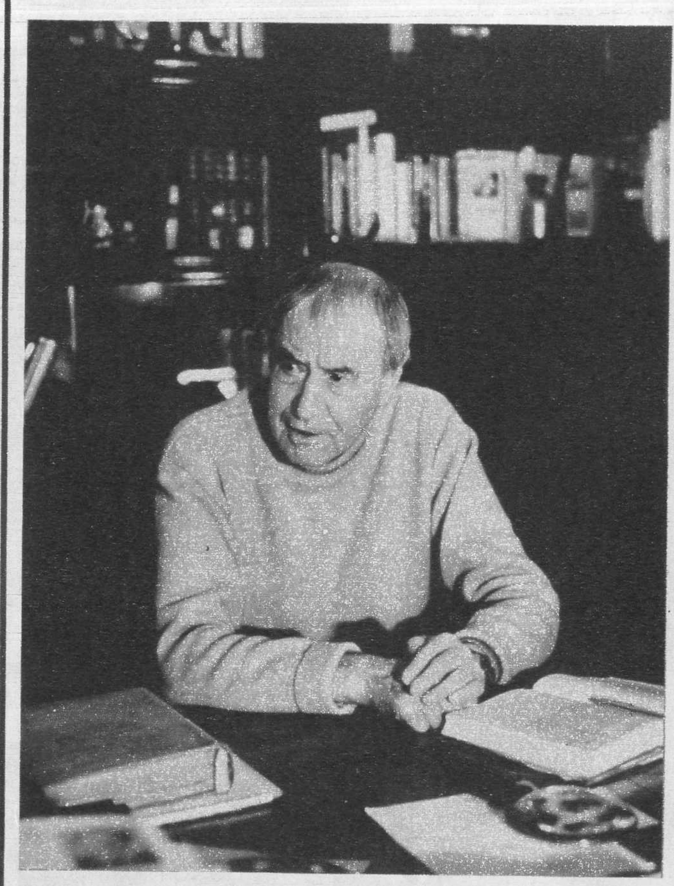

Фото Дм. Бальтерманца

Умер Валентин Петрович Катаев, и будто ушла в прошлое целая эпоха. На путь в литературе его благословил Бунин, он был современником Маяковского и Есенина... Валентин Катаев прожил удивительную, насыщенную жизнь, написал настоящие книги, которым суждено остаться в отечественной словесности. Вспомним лишь некоторые из них — и перед нами как бы развернется пространственная картина русской советской литературы: «Время, вперед!», «Белеет парус одинокий», «Сын полка», «Маленькая железная дверь в стене», «Святой колодец», «Трава забвения», «Алмазный мой венец»... И конечно, имя Катаева неотделимо от знаменитых выпусков газеты «Гудок» 20-х годов, где он печатал блестящие фельетоны на международные и внутренние темы. С творчеством Катаева связано и развитие советского театрального искусства. Его пьесы «Растратчики» и «Квадратура круга» привлекли внимание Станиславского, их ставил Художественный театр, создавая советский репертуар.

Прекрасно, что почти каждая новая повесть Валентина Петровича вызывала яростные, именно яростные, бескомпромиссные споры. Это первое свидетельство истинности литературного произведения. Беда, когда книги того или иного «маститого» писателя равнодушно ставятся на полку, сопровождаемые лишь пространными служебно-комплиментарными отзывами. Нет, Катаев работал так, что никого не оставлял равнодушным. Мастер стиля, художник взыскательный и искушенный, он был одним из самых последовательных ревнителей литературной формы, утверждая в современной русской прозе традиции своего учителя.

Перед нами одна из последних фотографий писателя. Но художники уходят, а искусство остается.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя.

Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем.

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

Картина в Лувре
работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья,
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать... плакать больше он не может.

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь,
кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых
трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

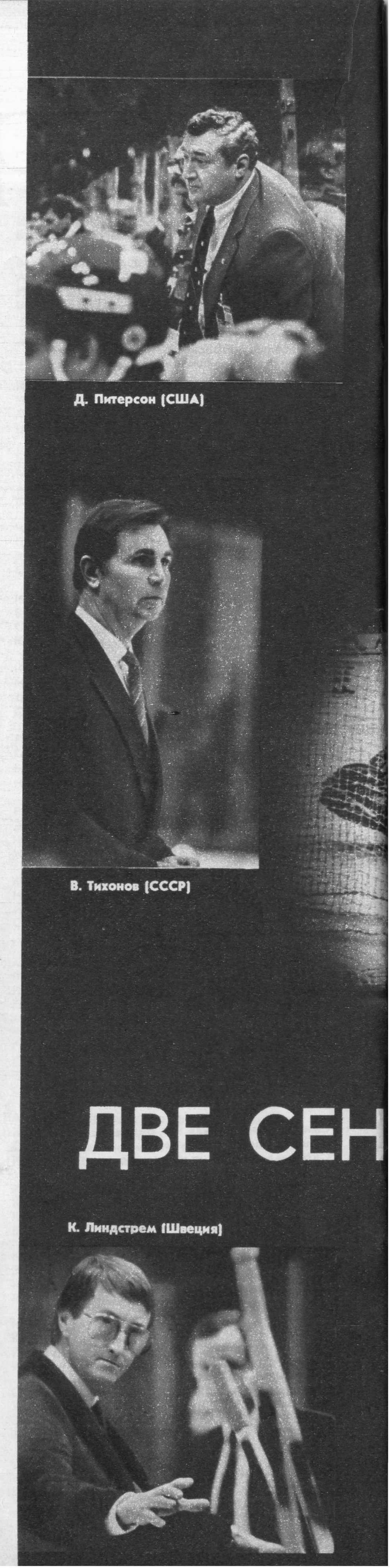
●

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

Д. Питерсон (США)

В. Тихонов (СССР)

К. Линдстрем (Швеция)

Л. Лейчик (Польша)

Р. Корпи (Финляндия)

Играют команды СССР и Швеции.

Я. Старши и Ф. Поспишил (Чехословакия)

САЦИИ НА СТАРТЕ

К. Унзинн (ФРГ)

П. Куинн (Канада)

Чемпионат мира и Европы

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА

17 дней борьбы (всего с двумя днями отдыха) восьми лучших команд в предварительном турнире и решающие встречи четверки лучших в споре за мировое первенство — такова дистанция чемпионата мира и Европы по хоккею, взявшего старт сразу на двух московских аренах.

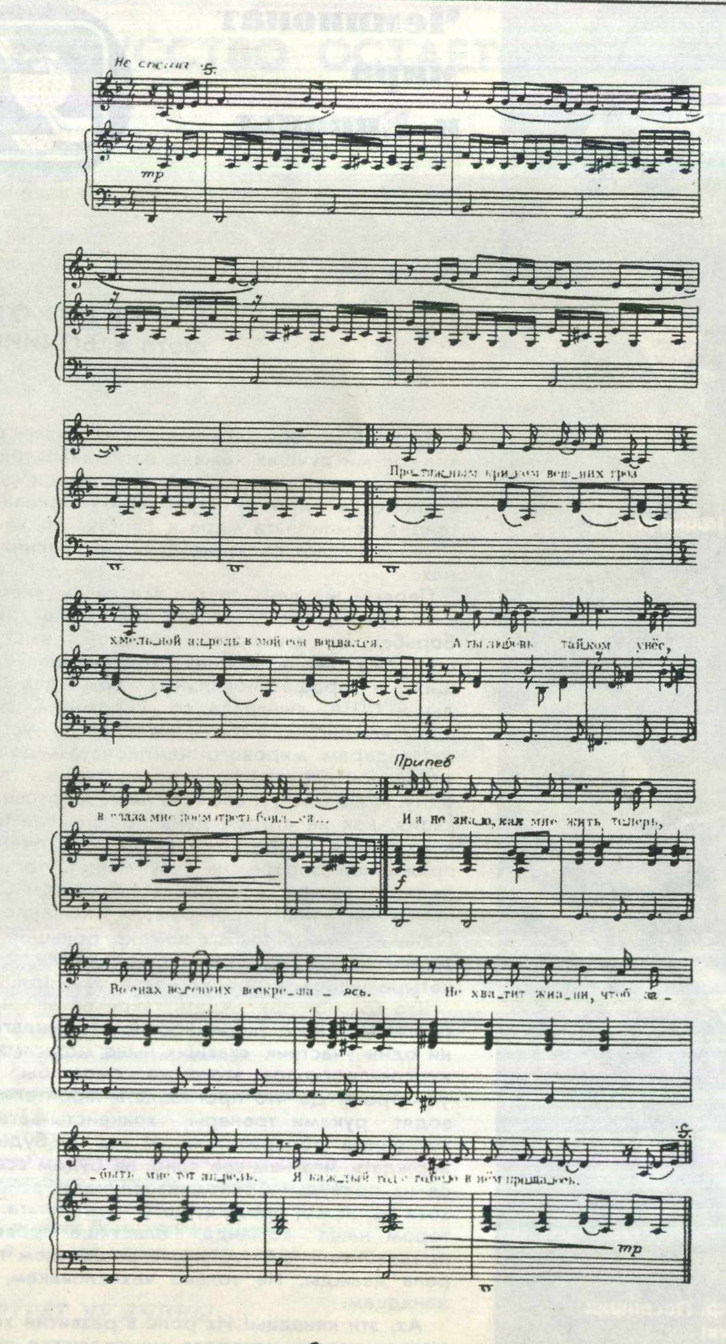
Первый же день спутал все карты знатоков: в то время, как советская команда в трудной борьбе со шведской сборной, выступающей без своих лучших хоккеистов, играющих в профессиональных командах Канады и США, выиграла со скромным счетом 4 : 2, чемпионы мира — чехословаки уступили аутсайдерам мирового чемпионата — полякам, забившим две шайбы и пропустившим только одну. И еще не успела остыть эта стартовая сенсация, как на второй день прогремела новая: в то время, когда команда СССР в очень напряженной борьбе, не уступающей по накалу первому матчу, выигрывала у команды Суоми, чемпионы мира проигрывали команде ФРГ. Одна из самых слабых команд большой восьмерки забила в ворота первой команды мира четыре шайбы и пропустила только три.

Кто бы мог предвидеть такое начало чемпионата? Можно с уверенностью утверждать, что ни один участник ставших ныне модными конкурсов-прогнозов этого не смог бы предусмотреть. Да что прогнозисты-любители! Разводят руками тренеры, хоккеисты-ветераны, хоккейные обозреватели. И мы не будем утверждать, что нам все ясно, не будем ссылаться на причуды «Господина случая»: вспомним хотя бы исход предыдущего чемпионата, в котором наша команда, блестяще проведшая предварительный турнир, в решающем проиграла дважды. Не только чехословакам, но и канадцам.

Ах, эти канадцы! Их роль в развитии хоккея, прародителями которого они являются, поистине парадоксальна. Сейчас сложилась такая ситуация, при которой Канада замедляет развитие хоккея в Европе. Руководители профессиональной лиги вербуют в Швеции и Финляндии самых способных игроков и таким образом постоянно ослабляют команды этих двух ведущих хоккейных стран, а своих лучших игроков не включают в свою сборную, участвующую в чемпионате мира. Вот и сейчас канадская сборная формировалась чуть ли не за несколько дней до отъезда в Москву, и тренеру канадской сборной удалось набрать всего лишь 16 человек, так что шесть игроков ему должны еще подослать. Выручает канадцев высокий средний уровень игры, способность быстро сыгрываться и, несмотря ни на что, зная заранее, что золотые медали им не светят, до последней минуты каждого матча стремиться к победе.

Но еще больше удивляет и радует жизнеспособность шведского и финского хоккея. Взамен уезжающих за океан лучших своих игроков тренеры находят новых способных хоккеистов и поддерживают высокий уровень игры. Вот и на нынешнем чемпионате уже на старте наша команда встретилась сперва со шведами, а затем с финнами, и нам пришлось нелегко. Хорошо играют наши неизменные соперники и, видимо, вполне могут претендовать на выход в большую четверку.

Начался чемпионат мира и Европы по хоккею. Знакомим читателей с тренерами команд.

Стихи В. ПОПКОВА **Музыка Н. ИВАНОВОЙ**

Протяжным криком вешних гроз
Хмельной апрель в мой сон ворвался.
А ты любовь тайком унес,
В глаза мне посмотреть боялся...
Слезами землю не кроплю —
Пусть по тебе рыдают грозы.
А я живу и будто сплю:
В глазах апрель, а в сердце осень.

ПРИПЕВ:

И я не знаю, как мне жить теперь,
Во снах весенних воскрешаясь.
Не хватит жизни, чтоб забыть мне тот апрель.
Я каждый год с тобою в нем прощаюсь.

Ни тою синею весной,
Ни днем, что стал последним рано,
Я не корю тебя, родной.
Апрель мне голову туманит...
Протяжным криком вешних гроз
Хмельной апрель в мой сон ворвался.
А ты любовь тайком унес,
В глаза мне посмотреть боялся...

ПРИПЕВ.

Марк **ВИЛЕНСКИЙ**

НЕКОГДА

В аду тянули жребий — кому когда на земле помирать.

Два чертенка, один — пятилетний, другой — его четырехлетний братишка, сидели на специальных высоких стульчиках по бокам от князя тьмы Вельзевула, и каждый из своей корзины вытаскивал по шарику. Затем неподкупной детской лапкой они передавали их Вельзевулу, и тот раскрывал оба шарика. В одном лежала бумажка с фамилией и адресом обреченного, в другом — когда помирать, с

Леонид **ФРАНЦУЗОВ**

УНИВЕРСАЛ

Всех начальников терпя,
Рассуждал толково:
«При тебе люблю тебя,
При другом — другого...»

ЧЕЛОВЕК СЛОВА

Слова говорит умело,
Работает бестолково.
Из человека дела
Стал человеком слова.

ВЕЛИЧИНА ПОСТОЯННАЯ

На работе зря стремится
Подчеркнуть свою большую
роль.
Числится он штатной единицей,
В сущности, он абсолютный
ноль.

пометкою — «скор» (скоропостижно) или «птип» (после тяжелой и продолжительной).

Жеребьевка шла споро, без осечек и перебаллотировок. Протокол вела старая чертовка — охальница Шабашиха, из падших ангелиц.

— Сивкин Антон Васильевич, город Углесольск, Рассея,— провозгласил Вельзевул и, раскрыв вторую скорлупку, назначил: — Скоропостижно, двенадцатого августа сего года. Зафиксировала, Шаба?

— А-атлюбился Сивкин, йех, да а-атмечался Буркин! — разухабисто затянула циничная чертовка, внося еще одну грустную судьбину в книгу отбытия.

Утром двенадцатого августа директор углесольского завода «Брикет» Антон Васильевич Сивкин почувствовал себя прескверно. Словно какой-то изверг поставил ему ведро с кипятком на грудь. К тому же сорок сороков иголок впилось ему в плечо и левую лопатку. Лицо его враз поголубело, а потом посерело. Лоб заблестел испариной. Жена, всплеснув руками, побежала накручивать 03. Но, прежде чем она добежала до аппарата, телефон сам зазвонил.

Дима, референт директора по общим вопросам, непререкаемым тоном потребовал Антона Васильевича.

Холодеющей рукой директор взял трубку.

— Едет пятая комиссия по анонимке Мазурикова и Ханурикова,— докладывал Дима.— Вам надо быть обязательно. Остановилась вторая карусельная печь — придется вам, Антон Васильевич, звонить в Москву, чтобы срочно скорректировали план, иначе без прогрессивки останемся. На пятнадцать ноль-ноль вас вызывают на бюро райкома — вливание по поводу детского сада. В семнадцать пятьдесят — встреча с профсоюзной делегацией Тринидад и Тобаго. Звонил министр, просил, чтобы вы лично ознакомили тринидадцев и тобаговцев с производством...

— Ладно, еду,— прервал директор и стал натягивать носки.

— Куда ты, Тоша?! — вскинулась жена.

— Надо, Лида. Положение безвыходное.

День пробежал в плодотворной суете, спорах, звонках, согласованиях, решениях, подписаниях, улыбках, рукопожатиях, вразумлениях и обещаниях. Ведро с кипятком как-то незаметно свалилось с груди и куда-то унатилось.

Когда вечером Сивкин, помахивая портфелем, бодро шагал по коридору к лифту, Хануриков выглянул в щелку из кабинета и желчно проскрипел:

— Живой! Это надо же...

Соавтор его, Мазуриков, в резиновых перчатках сидевший за машинкой и тюкавший шестую за последний месяц анонимку на Сивкина, живо отозвался:

— Действительно, и как он до сих пор не преставился, черт его знает!

И вдруг чей-то фальцет за спиной Мазурикова прогнусавил:

— Я тоже не знаю.

Мазуриков испуганно дернулся и оглянулся. За спиной никого не было. Только чуть потягивало серным дымком...

бывает и такое

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

Мы сидели с ней в парке и влюбленно смотрели друг на друга. Время для нас остановилось, все было так прекрасно: природа, свежий воздух и мы вдвоем. Но вот она все же взглянула на часы и сказала:

— Извини, милый, я сейчас заскочу на работу, попью кофе и сразу обратно — мы в это время всегда всем отделом кофе пьем.

Через полчаса она вернулась, и мы снова говорили о любви, о нас, о нашем будущем. Потом я взглянул на часы:

— Извини, моя единственная, но мы в это время на работе играем в шахматы — блицтурнир. Я мигом!

Когда я вернулся, мы посидели еще. Она вдруг вспомнила:

— Ой, мне ведь сейчас снова на работу надо! Вера Ивановна должна уже обновку из универмага принести, будет мерить — жутко интересно посмотреть! Я ненадолго...

— Да, а я пока тоже заскочу на работу. Всеволод Иванович как раз сейчас должен из командировки вернуться, будет новые анекдоты рассказывать — это просто умора! Никак нельзя такое пропустить!

Минут через сорок мы снова с ней встретились на нашей скамейке, поделились новостями с работы. Потом она еще несколько раз бегала к себе на службу: то подруге позвонить, то пообедать, то поболтать немного с коллегами.

Я тоже забегал к себе на работу: то чаю попить, то спортивные новости по радио послушать, то с сотрудниками последний футбольный матч обсудить.

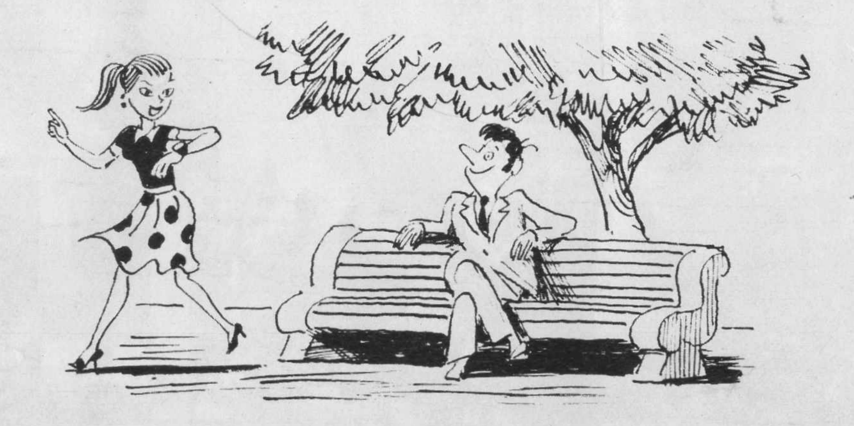
Потом мы снова вдвоем сидели в парке, я читал ей стихи, а она слушала, затаив дыхание. А потом, без пяти шесть, мы расстались, чтобы еще успеть забежать на работу и показать всем, что рабочее место каждый из нас покидает вовремя и никогда ни минутой раньше.

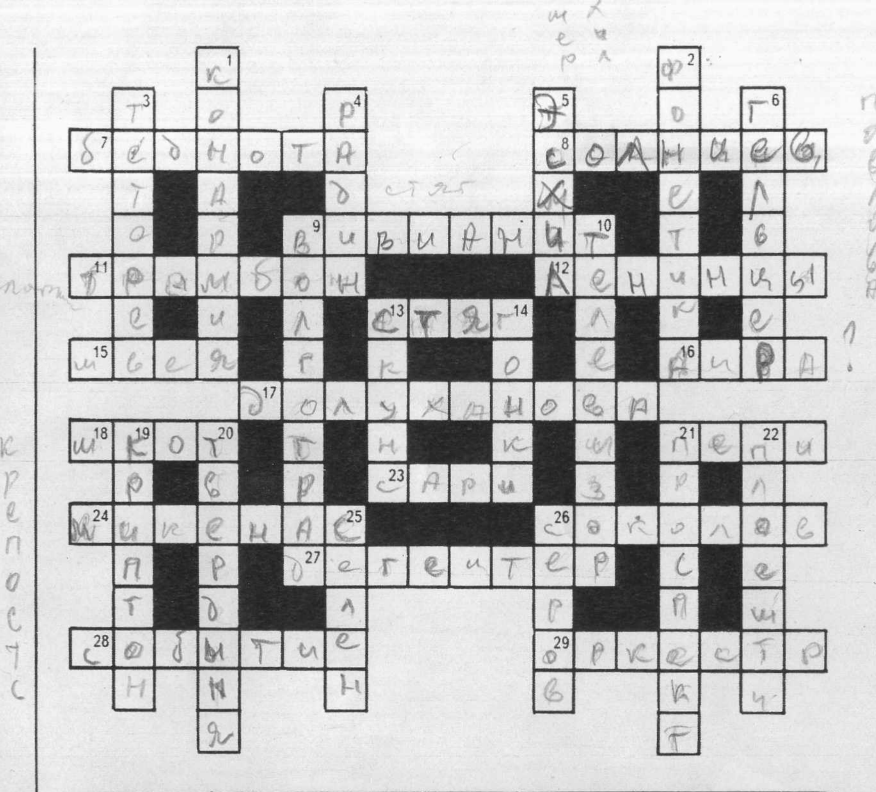
— До завтра, — сказала она.— Жаль, что после работы я всегда так занята, столько дел накапливается, просто ни минуты свободной! Ну, ничего, завтра снова в девять утра только забегу на работу, чтоб все видели, что не опоздала, и скорее опять в наш парк, на наше старое место.

— Да, милая,— согласился я.— У меня тоже после работы дел по горло! Только в рабочее время и могу на свидание к тебе вырваться...

И хотя мы с ней работали в разных учреждениях, но все равно наш роман все почему-то за глаза называли служебным.

Олег СОСНИЦКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Газета для крестьян, выходившая в первые годы Советской власти. 8. Один из 26 бакинских комиссаров. 9. Минерал класса фосфатов. 11. Духовой музыкальный инструмент. 12. Стихотворение В. В. Маяковского. 13. Знамя. 15. Портниха. 16. Плодовый кустарник, дерево. 17. Певица, лауреат Ленинской премии. 18. Снасть для управления парусами. 21. Мальчик, герой одной из «Сказок об Италии» М. Горького. 23. Женская одежда в Индии. 24. Скульптор, народный художник СССР. 26. Герой рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». 27. Композитор, автор мелодии «Интернационала». 28 Значительное явление, факт. 29. Коллектив музыкантов-исполнителей.

По вертикали: 1. Цикл рассказов И. Э. Бабеля. 2. Языковед. 3. Крупная лесная птица. 4. Автор текста песни «Смело, товарищи, в ногу». 5. Древнегреческий поэт-драматург. 6. Советская балерина, первая исполнительница главной роли в балете «Красный мак». 9. Город-герой. 10. Аппарат для приема изображения и звука. 13. Пушной зверек. 14. Спортивные состязания на скорость. 19. Химический элемент, инертный газ. 20. Оплот, надежная защита. 21. Широкая городская улица. 22. Город на юге Румынии. 25. Химический элемент, полупроводник. 26. Народный художник СССР, автор картины «Ходоки у В. И. Ленина».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали: 5. «Прогресс». 8. Плутоний. 9. Копер. 10. Кинетика. 11. Открытие. 12. Капелла. 13. Флот. 17. Верн. 19. Сурдокамера. 21. Диплом. 22. Галлей. 25. Севастьянов. 26. Икар. 29. Овал. 31. Экватор. 33. Позитрон. 34. Институт. 35. Углич. 36. Миниметр. 37. Ихтиолог.

По вертикали: 1. Артикул. 2. Агрегат. 3. Волынов. 4. Дирижер. 6. Скафандр. 7. Апуре. 8. Проблема. 14. Отливка. 15. Пуловер. 16. Ярматов. 18. Ефремов. 20. «Квант». 23. Байконур. 24. Ляховичи. 27. Керосин. 28. Рубидий. 29. Ортикон. 30. Арбузов. 32. Ахилл.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Н. Жуков. НЕ ТЕРЯЙТЕ МИНУТЫ!

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Казахский город Чардара расположен на краю пустыни Кызылкум. Его юные жители очень любят фонтан «Дельфин».

Фото Ю. ЛУШИНА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.03.86. Подписано к печати 16.04.86. А 00668. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 846. Заказ № 2621.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МИР ПРЕКРАСНОГО

Сотни, тысячи людей перед входом в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина... Картина, давно уже ставшая привычной, она и радует, и огорчает любителей искусства. Да, трудно попасть на выставку, но у самых упорных всегда есть надежда. Они могут увидеть сокровища Древнего Египта и Эллады, шедевры итальянского Ренессанса, искусство европейских романтиков... Ныне их ждет встреча с великолепными полотнами Эдуарда Мане, Ренуара, Клода Моне, Сислея, Дега, Ван Гога, Сезанна, Боннара... Сорок картин французских художников-импрессионистов и постимпрессионистов из Национальной галереи Вашингтона экспонируются сегодня в Москве.

Фото Игоря ФЛИСА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663